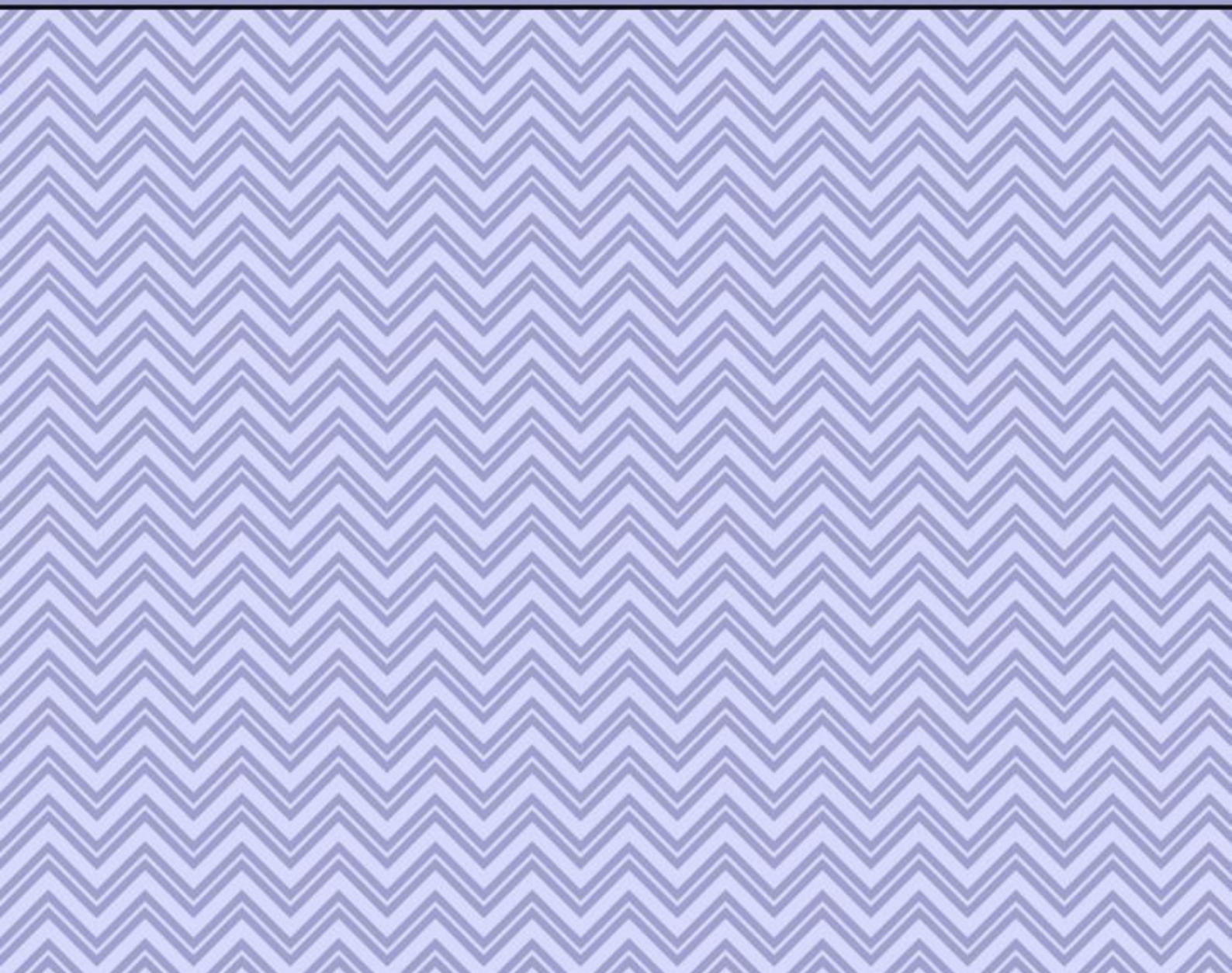

18+ Александр Стребков

*Жить
запрещено*

Александр Стребков

Жить запрещено

«Издательские решения»

Стребков А. А.

Жить запрещено / А. А. Стребков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-533108-3

Сюжет романа-хроники основан на реальных событиях, в которых главные герои произведения, как и некоторые персонажи, проходят под собственными именами и фамилиями. Роман написан по рассказам и воспоминаниям главного героя романа Сударикова Павла Тимофеевича и на основе биографий остальных участников событий, потому он и называется хроникой, ибо события, как и отдельные эпизоды и персонажи, являются не вымыслом, а представлены в хронологическом порядке во времени и в реальных его персонажах.

ISBN 978-5-00-533108-3

© Стребков А. А.
© Издательские решения

Содержание

Стребков Александр Александрович	6
ЖИТЬ ЗАПРЕЩЕНО	7
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Жить запрещено

Александр Александрович Стребков

© Александр Александрович Стребков, 2021

ISBN 978-5-0053-3108-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Стребков Александр Александрович

ЖИТЬ ЗАПРЕЩЕНО РОМАН-ХРОНИКА

ОТ АВТОРА

Сюжет романа-хроники основан на реальных событиях, в которых главные герои произведения, как и некоторые персонажи, проходят под собственными именами и фамилиями. Роман написан по рассказам и воспоминаниям главного героя романа Сударикова Павла Тимофеевича и на основе биографий остальных участников событий потому он и называется хроникой, ибо события, как и отдельные эпизоды и персонажи являются не вымыслом, а представлены в хронологическом порядке во времени и в реальных его персонажах. В романе если и имеются в описании для полного раскрытия картины событий и образов какие-то вымыслы, то это вовсе не выдумка автора, ибо при определённых событиях, ситуациях и обстоятельствах они не могли быть иными.

Россия – страна проклятая: в ней прежде надо умереть человеку, чтобы его признали. Очень уж любят у нас покойничков! Тихие они лежат в гробах, не скандалят, ничего не просят... Коммунистическое учение – это кризис гуманизма. История – это всегда прошлое. Но в том-то и суть её, что изучается она всегда в будущем.

(Валентин Пикуль)

ГЛАВА 1

Начнём мы свой рассказ издалека ещё с тех на отлёте минувших лет – в начале двадцатого столетия, когда Россия стояла на пороге больших потрясений. Казалось – ничто ещё не предвещает того кошмара, который предстоит ей пережить в ближайшие десятилетия. Ну, идёт война с Германией и Австрией – так что из этого?.. впервые, что ли Россия воюет?.. Немногие на то время осознавали, что очередная смута на просторах Российских затянется на такой долгий срок.

И начнём мы свой рассказ с тех смутных дней, в действия которых вовлечены были персонажи романа, а события происходили на землях в Калужской губернии в начале зимы 1918 года.

Калужские земли всегда славились чисто российскими красотами природного окружающего ландшафта, ибо летом здесь кругом, как в раю: многочисленные реки, берега которые утопают в зелени, уютные поляны среди лесов, пение птиц, крик кукушки в тишине – и покой, который создавал в душе у каждого иллюзию земного счастья. Зимой, к сожалению: всё серое, мрачное, неприветливое к тому же непролазная грязь в распутицу, но в такой период года эти места мало кто и посещал.

Об этих местах в русской литературе писано-переписано, как и про все те беды и испытания, которые из столетия в столетие сваливались на плечи жителей этих мест. Кто только здесь не проезжал, кого здесь только не носило все прошли через Калугу и её земли. Приходил, наконец, день: и то плохое, порой страшное – отступало, а на смену приходили дни мирной жизни – упорного труда и творчества. Сюда устремля-

лись живописцы и писатели, поэты и композиторы все те, которые желали вдохнуть в себя самую атмосферу бытия, почувствовать вдохновение и создать очередное творение искусства. Здесь все побывали – как гении, так и менее знаменитые личности, вошедшие в золотой фонд русской классической мысли.

У самой границы Смоленской губернии расположился уезд Барятинский. Через Барятино – название в своё время произошло от имени князей Барятинских – проходила железная дорога, потому и сам населённый пункт назывался станцией Барятино. Если от этой станции ехать по дороге на восток – в сторону города Козельска, то уже через два десятка вёрст попадаем на земли, принадлежащие дворянской графской – одной из ветвей Гончаровых. Эти места так и называются: «Гончаровы Зеваки», почему именно – «Зеваки»?.. – сказать не можем: скрыто – там где-то – в позапрошлом веке. Наша главная героиня рассказа являлась продолжательницей и наследницей в свое время одной из ветвей Гончаровых – ветви московской – проживала с семьёй в Москве и лишь в летние периоды приезжая в имение – иногда на всё лето. Но в тот год, о котором пойдёт речь: начало декабря восемнадцатого года явилось вынужденным посещением своего имения, а точнее говоря переселением. Ещё летом, казалось, ничто не предвещало страшных событий, но уже с шестого июля в Москве начались беспорядки и боестолкновения между сторонниками эсеровской партии и большевиками. Вслед за этим последовал красный террор в отношении класса имущих слоёв населения, из-за чего многим пришлось покинуть пределы города. Тот, кто предвидел, что всё это надолго, к тому же, имея за границей счета в банках и недвижимость, продолжали уезжать в Париж и Лондон, но имелась масса не очень богатых, а то и вовсе обедневших дворянских семей, которым бежать за границу было попросту не с чем. Вотчина в глубинке

в захудалом состоянии; семейное подворье в деревне на тот момент или ранее принадлежавшее им являлось зачастую единственным местом, где можно было укрыться от тех бед и страданий подобным семьям. Лавиной нарастающей бедами с каждым прожитым днём – заражали как эпидемия тем бегущим большевизма вначале города, а за тем и деревни. Ни-

спосланное провидение многим спасло жизнь в отличие от тех, которые оставались до последнего жить в той же Москве или Питере. Давно всем известно, что на волне всяких смут и революций первыми и самыми активными в рядах идут всякие подлецы, а зачастую просто садисты мало чем похожие на людей – «Нелюди!». С шашкой – наголо, с маузером – к затылку, со штыком – наперевес: это потом – уже в мирное время – такие борцы станут «Героями» в борьбе за Советскую власть, но было бы не лишним припомнить им – скольких невинных душ они загубили? В мутном потоке воды несущейся под уклон – всегда на поверхности плывёт всякое дерьмо! Никто не отрицает, что среди революционеров не было людей идейных – были! И немало, – ибо в противном случае – эта новая власть не просуществовала бы и года. Честь им и слава, ибо, веря в утопию: «Равенства и братства» – они понапрасну сложили свои головы, а тем, которым удалось остаться в живых после мясорубки Гражданской войны, тех уничтожили в репрессиях тридцатых и сороковых годов.

Первые числа декабря восемнадцатого года отметились небольшой оттепелью. Снег хотя и укрывал вокруг землю тонким слоем, но дороги раскисли, превратившись в непролазную грязь, смешанную со снегом.

По тракту со стороны Калуги двигался небольшой обоз, состоящий из трёх единиц гужевого транспорта. Впереди ехала карета впряженная тройкой лошадей: карета, на которых уже мало кто в то время ездил, ибо этой карете было явно не меньше чем полвека. Когда-то добротной исполненная

мастером каретных дел, окованная ажурным кованым металлом, инкрустированная гербами и завитушками цветов сейчас она представляла жалкое подобие того, что было воспроизведено когда-то мастером. Следом за каретой двигались две подводы гружённые домашним скарбом: мебелью, узлами, среди которых торчала труба граммофона, многочисленными сундуками и чемоданами. На козлах каждой подводы сидело по два человека – ездовые из числа крестьян живших в имении Гончаровых и прибывшие в Москву для того чтобы забрать семью Чигарёва Егора Владимировича с его женой Екатериной Дмитриевной в девичестве Гончаровой и тремя их малолетними детьми.

– Много вещей нагрузили, – сказал ездовой, правивший лошадьми своему рядом сидящему товарищу, – кони еле тащат, к тому же дорога вся раскисла. И мороз, как на грех куда-то запропастился.

– Насовсем барин перебирается к нам в деревню, потому и барахла много, а остальное-то, всё считай там осталось – в московском доме, взяли лишь частицу.

– Тяжко им придётся в деревне-то жить да к тому же зимой, это не летняя пора в пару месяцев, когда приезжали чтобы рыбу поудить да в речке поплескаться.

– А куда деваться?.. голову под пули кому охота подставлять; сам видел, что там творится в городе-то этом, я уж думаю, что благополучно из него и не выберемся...

– Жить то где собираются... в своём барском доме?

– Кой там – дом! Был я там напередки – кругом один ветер гуляет. Желающих похозяйничать хоть отбавляй. Стоял бы в самой деревне дом-то этот – хотя бы ревком разместили в нём, а так – на отшибе... кто бегать туда станет?

– Председателем ревкома в Вяжичках нашего деревенского назначают, тот – Давыдов Калужский комиссар уехал в Москву своим на помощь.

– Кто же будет?..

– Сказали, что будет старший сын Василия Сударикова – Тимошка. Брат его меньший Иван приезжал в деревню накануне как раз, перед тем как уехать Давыдову в Калугу. Иван хоть и молодой ещё, а в комиссарах уже ходит, вот он и привёз распоряжение, – назначить председателем ревкома Тимоху.

– Тот потянет – дерзкий парень. Вон – до всего этого как умело справлялся со всеми мастерскими и даже бондарей под себя подобрал, а меньший Сударик всё в городе скитался,

говорят, к большевикам примкнул сразу после революции. Теперь другое время: кто быстрее на верхушку дерева вскарабкается тот и царь.

Мещёвск минули стороной, откуда, сейчас, доносился благовест церковного звона, вероятно по завершении богослужения в храме. В самой карете сидя друг против друга, коленка в коленку пассажиры дремали. Двухлетний Ваня сидел на руках у Екатерины Дмитриевны, прижавшись к её груди, посапывал простуженным носом; рядом с ней склонившись на плечо, сидела старшая дочь Полина, которой в этом году восемь лет исполнилось, а средняя четырёхлетняя Ефросинья сидела рядом с отцом напротив остальных, уткнувшись к его боку. Егор Владимирович закутав в полушубы дочь, иногда ласково поглядывал на неё, поправляя сползающий край шубы, при этом крепче прижимал к себе ребёнка. Сам короб кареты на неровностях дороги постоянно раскачивался, издавая скрип: но иначе-то и быть, не могло, ибо, если бы можно было припомнить всех, кого она перевозила за эти десятилетия, то мы бы, несомненно, удивились всем тем знаменитостям и просто довольно известным личностям, которые в ней побывали. Вопреки тому, что этот вековой давности транспорт невзрачно выглядел снаружи – внутри его было тихо и намного теплее, чем на улице; к тому же защищал обитателей салона от непогоды: холодного ветра и дождя.

События, развернувшиеся в 1918 году во второй половине лета в Москве, внесли смятение, беспокойство в сознание молодой семьи и посеяли животный страх за безопасность своих малолетних детей. Памятен был год девятьсот пятый, когда улицы Москвы перегородили баррикадами: на «Красной Пресне», как её после – исторической назовут, гремели выстрелы, а по улицам и переулкам на полном аллюре носились казаки с шашками наголо. Медленным шагом конники не ездили, опасаясь выстрелов из окон: проскакав, разгоняли прохожих с улиц всех подряд – без разбора, многим зазевавшимся прохожим доставался удар плётки, а то и плоской стороной шашки по спине. Городским обывателям в те зимние месяцы первой русской революции жилось не просто, потому, что по большому счёту, они не нуждались ни в каких революциях, как это произошло и в том же семнадцатом. Но, если двенадцать лет назад власть всё-таки удержалась на своём месте, применив способ, который давно испробован в других странах: способ реакции и расправы, тем самым вскоре навела относительный порядок, то на этот раз – минул год со дня начала смуты, но положение становилось только хуже. От той старой власти не осталось и следа и надежды на возвращение её с каждым прожитым днём таяли, что она вообще может когда-нибудь вернуться. Большинство москвичей глубоко в душе новую власть не признавали, всё, надеясь, что не сегодня-завтра она рухнет и исчезнет как наваждение.

– Егор, – обратилась Екатерина к мужу, – может мы поторопились с отъездом из Москвы?.. Крестьяне, которые прибыли из деревни говорят, что от дома-то нашего одни стены остались – жить-то, где будем?

– Знаю... – мне тоже говорили, ну и что из этого?! Вселимся пока в дом старосты – всё равно пустует; да по праву,

он-то дом наш и есть. Староста вор был, крестьян обижал, потому и сбежал ещё в прошлом году – туда ему и дорога. Правда, мерзкая тварь наворовал за последние годы немало, видимо, коль дом в Калуге приобрёл. Бог ему судья. Сейчас времена настали такие – что, сколько ни имей – в один день потерять всё можешь. Деваться-то нам всё равно некуда: «Ищите и обрящете»... так, кажется, в святом писании говорится?..

– Полина только лишь приступила к занятиям в начальной гимназии, – сказала, с грустью в голосе жена, – как же дальше с этим быть?..

– Сами учить детей станем, мы же с тобой люди образованные и ничем не хуже преподавателей в гимназии.

Егор Владимирович Чигарёв, дослужившись до чина коллежского советника, шестого класса табеля о рангах Российской империи с приходом к власти большевиков продолжал

находиться на службе, но теперь уже в городском Совете народных комиссаров города Москвы и, кстати, по их же просьбе. В марте восемнадцатого года правительство большевиков перебралось в Москву, после чего из-за обильного наплыва комиссаров в кожанках, а вместе с ними при- была из Петрограда всякая мелюзга, ранее находящаяся на службе у чиновничества, а теперь вдруг взлетела на такие высоты власти: выслуживаясь, вылизывая каждый след тех, которых совсем недавно называли каторжанами. Ближе к лету Егор Владимирович устав терпеть всякие притеснения от ничтожных клерков, которые совсем недавно задним местом открывали двери высоких кабинетов, покидая его и до полу при этом, раскланиваясь – принял решение покинуть службу. Даже тот продовольственный паёк, который он получал в комиссариате не смог удержать его. Сославшись на то, что со здоровьем неладит и требуется поправить его в деревне, распрощался любезно со своим новым начальством,

но до самой зимы продолжали жить в Москве. В ноябре, когда воочию поняли, что в городе оставаться опасно он уехал в деревню Вяжички. Спустя неделю Егор Владимирович при- был с двумя единицами гужевого транспорта, чтобы забрать семью. Вытащили на сет божий из сарая старую карету: решили поставить её на ход, чтобы семье, в особенности детям было ехать в чём, а деревенские мужики, прибывшие из деревни, вместе Егором Владимировичем за пару дней подмонтировали этот экзотический транспорт. После чего в неё запрягли пару лошадей, оставив в телегах по паре вместо тройки, погрузили вещи самые необходимые и отправились в семейную вотчину, может быть, как сказал Егор Владимирович, что придётся доживать там остаток своей жизни.

Наконец измучившись в тяжёлых условиях просёлочных дорог стали приближаться к месту цели. Обоз медленно вползал на окраину деревни – на ту улицу, которая шла в сторону дороги на Калугу. Окружающую тишину первыми нарушили деревенские собаки: зачуяв незнакомый чуждый деревне запах вещей лежащих на подводах злились, рвались с цепи, а те которые вольно гуляли, выскакивали из каждой дырки в заборе и бежали, преследуя телеги, и даже пытались зубами уцепиться за обод колеса. Жители деревни, слышав столь злобный лай собак, следом выходили за забор, а увидев своих теперь уже бывших хозяев части их деревни и поместья по соседству вначале троекратно раскланивались в сторону кареты, после чего пристраивались в хвосте обоза и шли следом. Несмотря на всякие революции, деревня Вяжички пока что продолжала жить своими давно установившимися патриархальными законами. На доме, где ранее размещалось правление старосты деревни, на фронтончике слухового окна крыши теперь развевался красный флаг новой власти. Над дверьми прибитая гвоздями висела квадратная табличка, на которой чем-то чёрным было написано:

«Ревком», буквы на ней расплылись, видимо вместо краски написали дёгтем. В самом доме кроме комнат, относящихся к управе, имелось несколько помещений для приезжих, а также для служебных нужд, и вход в них был со двора. Сейчас в этом здании находился представитель новой власти ещё совсем молодой к тому же не женатый Судариков Тимофей Васильевич. Услышав собачий переполох, доносившийся с окраины деревни, он, выйдя на крыльцо, вытянув шею – в ту сторону, откуда слышался лай собак и, повернув голову, сдвинул шапку набекрень, освободив тем самым ухо, стал вслушиваться. Спросить было не у кого – кругом ни души. Вопросительно поглядел на коня, стоявшего в конце двора у кормушки и жующего в это время сено; седло висело рядом на столбике привязи, а седлать лошадь желания не было. Выплюнул на сторону недокуренную сигарку – козью ножку, быстро сбежал по ступенькам и направился в тот край улицы, в стороне которой раздавался шум. Последнее время у Тимофея появлялось в душе всё больше беспокойства за свою безопасность, потому как на этот день, вот уже третий месяц подряд он в деревне остался единственным представителем власти. Весь его комсомольский актив, который он возглавлял, ещё осенью был призван в ряды Красной армии на защиту революции. Ещё в мае того года вышел декрет ВЦИК о принудительном призыве в Красную армию, а вслед за ним новый декрет –

по борьбе с кулачеством, который ознаменовал начало «Военного коммунизма», всё это вместе взятое породило скрытую ненависть к власти и в первую очередь к её представителям. У Тимофея был ещё меньший брат Иван, который в свои семнадцать лет успел поучаствовать в событиях первого года становления Советской власти. Спустя ещё год вступил в партию большевиков, после чего в родную деревню Вяжички прибыл не столько на побывку, а как для помощи в установлении Советской власти. Пробыв не слишком долго в

родных краях, создал из числа молодёжной бедноты костяк комсомольского актива, которые тут же прицепили красные банты на грудь. Распрощавшись с братом Тимофеем – комсомольским вожаком и с присланным из Калуги комиссаром Давыдовым отбыл в Москву – поближе к власти. Как сказал их вождь Ленин: «Требуется собрать всех в кулак, чтобы отстоять дело революции». Но, пока что бог миловал: в округе Вяжичек и рядом расположенных Гончаровых Зевак до самого Барятинска было тихо. Выстрелы если и гремели где-то – не так уж и далеко – до Вяжичек пока что ещё не доносились. Бороться с кулачеством, выполняя тем самым постановление Декрета ВЦИК и отнимать у кого-то зерно, на этот момент здесь было просто некому.

На всякий случай – передвинув деревянную кобуру с маузером наперёд туловища и расстегнув её, немного вытянул рукоять маузера наружу, Тимофей ускорил шаг, глядя ваясь вдаль – в конец улицы. О том, что две подводки уехали в Москву вместе с бывшим владельцем имения Чигарёвым, затем чтобы перевезти сюда семью Тимофей знал. Хотя это было вопреки его желанию, ибо он, от чистого сердца уважая Егора Владимировича, в душе мало верил в то, что ему удастся эта затея, он даже его отговаривал от задуманного: говорил, что не то время стоит на дворе, чтобы с кучей вещей ездить по дорогам в такую даль. Советовал привезти семью поездом – железка-то рядом проходит, хотя поезда по ней последнее время ходить почти перестали. Сейчас идя навстречу обозу и видя впереди какую-то непонятную карету Тимофей, просто забыв о Чигарёве, ломал голову: «Что за наваждение, никак бродячий цирк в деревню пожаловал?..».

Поравнявшись с обозом и стоя немного в стороне на обочине, Тимофей с трудом узнал своих деревенских бородатых мужиков сидящих на козлах кареты. Обляпанные и испачканные грязью их бороды и козухи, как и парусиновые

балахоны на головах до неузнаваемости предстали в глазах Тимофея, как порождение выбравшихся из леса полудиких людей. Но в это время тот, что сидел на козлах с кнутом в руках и правивший лошадьми крикнул в его сторону:

– Кланяемся вам, дорогой Тимофей Васильевич!.. А ты Тимошка, не верил, что доедем от Москвы. Смотри?.. мы – тут уже! Куда, ваше величество товарищ комиссар, девать-то – господ-то наших бывших? Не в лесу же их селить?

– Правьте в дом старосты, там одна Парашка приживалка ютится.

В это время открылась дверца кареты, и на землю спрыгнул Егор Владимирович. Он подошёл к Тимофею пожал ему руку и далее они продолжили путь вдвоём, разговаривая на ходу. Тимофею нетерпелось узнать московские новости, потому как сюда – в эту глухомань не долетало ни одной весточки, а если какая приходила, то обычно с большим запазданием, а то и не актуальная уже на тот период. Хотя Москва от Вяжичек была и не за тридевять земель, но Тимофею в ней пришлось побывать лишь один раз всего и не так уж давно – в самом конце октября и до четвёртого ноября он был одним из делегатов на первом съезде рабоче-крестьянской молодёжи. Прошёл всего-то месяц с того дня как он вернулся, но до сих пор ходил под впечатлением той недели проведённой в Москве. Сейчас он ловил каждое слово произнесённое Егором Владимировичем: задав вопрос – внимательно выслушав, а если что

непонятно было, а непонятного получалось много, от этого часто переспрашивал, и получалось одно и то же; отчего собеседник в недоумении вскидывал на Тимофея взгляд. Подошли ко двору усадьбы старосты и остановились у калитки в ожидании обоза, который по-черепашьи полз по улице села. На крыльце дома появилась Паранья, осеняя, беспрестанно себя крестным знаменем что-то бормотала; толи молитву, толи бога благо-

дарила за благополучное прибытие барской семьи. Вскоре подъехала карета и из неё вышла Екатерина, а вслед за ней выпрыгнули дети. Паранья бросилась вначале к Кате, поклонившись ей, стала расцеловывать детей по очереди, при этом говорила не умолкая:

– Божьи вы мои деточки, какой же злой нечистый на васу бедную головушку свалился!.. Екатерина Дмитриевна, миленькая, как хорошо, что вы покинули тот вертеп греха господнего, и я всем сердцем радуюсь полноте вашего семейного счастья с малыми детками. Сам господь Бог вам помог благополучно добраться сюда: до своей родной земли, где ваши дедушка и бабушка когда-то бегали по ней богами ножками...

Екатерина Дмитриевна, прервав причитания, Паранья сказала, чтобы заводила детей в дом потому как они измучились в такой тяжёлой дороге и в отвратительной погоде. После чего та, взяв за руки Фросю и Ваню, повела их в дом, а старшая Полина последовала за ними. Подошедшие ко двору вместе с обозом жители деревни дружно взялись разгружать вещи и заносить в дом. Уединившись с детьми в одной из спален, Екатерина предпочла отдыхать, а в доме тем временем до позднего часа: расставляли, чистили и убирали; и так получилось, что когда ранним утром Катя вышла из спальни и прошлась по дому, кругом наблюдалась безукоризненная чистота и порядок. Егор Владимирович встав с постели намного раньше жены: оделся, натянул на ноги охотничьи сапоги, тихо вышел из дома и направился в расположение усадьбы Гончаровых поглядеть, что случилось с самим домом. Выскочившая навстречу ему Парашка, с беспокойством оглядев его, спросила:

– Егор Владимирович, куда это вы так рано?

– Схожу к усадьбе – дом погляжу, – ответил он, направляясь к калитке, – прогуляюсь по деревне заодно.

– Да не стоит туда ходить по грязи в такую даль, лишь бы душу расстраивать. Забудьте вы о нём! – прокричала Паранья уже вдогонку.

Катя, обследовав дом, подошла к зеркалу, уселась перед ним на мягкий пуфик – стала внимательно разглядывать своё отражение, словно отыскивая следы на лице тех мук и переживаний за последние дни. Паранья, слышав шаги в соседней комнате и поняв, что хозяйка проснулась, тут же вошла к ней и словно мать своей маленькой дочери стала выговаривать:

– Екатерина Дмитриевна, голубушка, зачем в такую рань вы встали, отдохнули бы с дороги, никак все косточки во всём теле болят-то. И Егору Владимировичу не сидится дома, понесла его нелёгкая в то имение. Господи, какие вы только молодые непоседливые! Я Катенька, как предчувствовала, что вы явитесь к нам надолго. По осени, откуда и силы взялись: всё солила, всё заготавливала на зиму, как и раньше – ещё при управляющем Савелии. И грибочки, и огурчики с капусткой и мочёными яблочками – всё в бочечки. Покуда жив был прежний наш управляющий Савелий Бабичев и жизнь в деревне нашей по-людски была. Царство ему небесное – добрейшей души был человек, где твои родители только и нашли такого праведного человека. Пожил мало на белом свете, как умерла его жёнушка при родах, так с тех пор и пошла жизнь у него колесом: отгулял сердечный и отлюбил на этом свете, отплясал на свадьбах и отслужил господа Богу слишком быстро. А этот Герасим – ещё немного и по миру бы всех в деревне пустил, супостат окаянный! Чтоб ему ни дна, ни крыши над головой! Говорят, – в богатом доме в Калуге живёт.

Неожиданно в дверь постучали, Паранья быстрым шагом направилась к входу. Через минуту она вошла, а вслед за ней вошёл Тимофей: сняв шапку, кивнул головой, опустив подбо-

родок на грудь, немного замявшись, увидев в одиночестве Екату- терину, как бы заволновался, после чего несмело спросил:

– А... это, Егор Владимирович никак спят ещё?

– Какой там спят, – ответила Паранья за хозяйку, – чуть свет, нацепил на себя сюрт- учишко да сапоги одел те, что за утками в речку лазят, и понесло его в старое имение, только там уже былём всё поросло.

Тимофей удовлетворительным взглядом окинул поме- щение и, поглядев на Екатерину, сказал:

– Вот. Так бы давно, а то сидели там в этой Москве друг друга в чиновничьих креслах подсидивали, как квочки кто вперёд цыплят выведет. В деревне проще, как сам народ, так и вокруг природа всякая – дышится легче. Я чуть больше не- дели побыл там у вас, когда на съезд ездил и то тогда поду- мал: как вы там живёте в такой тесноте? Да и вся ваша го- родская жизнь она – какая-то неправдашняя – перед каждым в струнку тянуться надо. Отец – вон наш, как нас с Иваном не нагibal в ту торговлю да в мастерские всякие, а мы с ним решили своим кумполом по жизни идти. Я лично только и пользуюсь верстаком сапожным, потому как сапоги часто приходится ремонтировать. Если у вас Екатерина Дмитриев- на вдруг возникнет надобность в ремонте ботиночек ваших – милости просим, для меня это не в тягость будет.

Катя в отличие от Егора Владимировича относилась к Ти- мофею с какой-то опаской. Может быть от того, что на подсоз- нании присутствовало устойчивое чувство страха, кото- рое у неё поселилось в душе ещё в Москве, когда в дом вламывались вооружённые люди с красными повязками на рукаве и шапке, а перед этим стучали в дверь прикладами винтовок и матери- лись нецензурно. Иногда приходили матросы: пьяные, с пере- кошенными харями и с тем же сквернословием в своих речах; только уйдут одни – за ними явились в английских френчах, и пойми, кто и за кого ратует. Каждый раз спасало лишь то, что Егор Владимирович являлся служащим в Московском город- ском Совете рабоче-крестьянских депутатов. Но тот страх, тех

роковых минут переживаний остался в душе у Кати, и внутрен- не она ассоциировала личность Тимофея с теми – с повязками на рукавах. Помимо её воли в ней возникал про- тест и нереши- тельность перед ним, что приводило к неприязни. Разумеется, что Тимофей по своей сущности – как человек к тому же дере- венский был далёк от тех «Стражей нового порядка» в городе в лице погромщиков и искателей на ком бы, если не поживиться, то зло согнать. Немного ещё постояв для приличия, понимая, что Екатерина разговор продолжать с ним желания не имеет, Тимофей распрощался и покинул дом, тихо прикрыв за собой дверь. В прошлом – ещё до революции: семья Гончаровых, а в летнюю пору приезжавшая в деревню и молодая семья Чига- рёвых среди жителей деревни пользовались уважением и хо- рошим отношением к ним, именно это и стало причиной их переселения сюда из Москвы. Егор Чига- рёв был родом из Пе- тербурга, где и жили его родители, о судьбе которых он не ве- дал уже второй год. Когда-то он был направлен на службу в Москву, где и познакомился с Екатериной Гончаровой. Вскоре состоялась свадьба, а в одиннадцатом году появился на свет первый ребё- нок – девочка, которой дали имя Полина; через четыре года родилась снова дочь – Фросей назвали, а в шест- надцатом году – Ванечка родился. Егор Владимирович успешно исполнял службу в городском совете в должности коллежского советника шестого класса табеля о ран- гах, и казалось, что се- мейному счастью не видно конца. По сути, они оба – хотя и яв- лялись представителями дворянского сословия, а Екатерина к тому же ещё и из графской ветви Гон- чаровых, были они по жизни обычными городскими обывателями, а таким людям всегда было гораздо тяжелее переносить невзгоды всяких смут. Это одно и то же, что выращенную в тепле и ласке ком- натную собачку вдруг выбросить на улицу да ещё в стужу – жить ей от силы несколько дней, а бродячие собаки припеваю- чи живут годами.

Перебравшись в деревню, с каждым прожитым днём в душе смиряясь со своей участью, постепенно привыкали к той жизни, какой жили все в округе. По весне в Вяжичках в который уже раз крестьяне вновь делили землю: на каждого хозяина с хозяйкой – плюс на едоков с детьми и стариками. Земельный надел был выделен и семье Егора Чигарёва. По старой привычке, не считая это в тягость, хором и помогали, обрабатывать сей выделенный надел, учитывая то, что молодые вряд ли понимают что-то в этом деле, тем более требуется ещё умение, хотя бы править лошадьми. В девятнадцатом году – весной, как-то Егор Владимирович поехал в Калугу, а когда вернулся домой – заявил, что ему предложили там место служащего в городском Совете народных депутатов. Людей образованных, как и специалистов, катастрофически у новой власти не хватало. С этого времени он лишь периодами, наскоком, на два-три дня приезжал домой, после чего уезжал на две недели в Калугу. В те сложные времена власть вела упорные бои на всех фронтах Гражданской войны. Иван Судариков находился где-то там – на переднем плане борьбы за власть. О нём вот уже год как не было ни слуху, ни духу. И лишь случайно Тимофей узнал, будучи в Калуге уже в двадцатом году, что брат его в то время находился на польском фронте в армии Тухачевского, воюя против так называемых белополяков. Тимофей продолжал возглавлять теперь уже Сельский совет, и в том же году надумал жениться. Как высказала Паранья своё мнение в разговоре с Екатериной Дмитриевной о достоинствах невесты Тимофея: «Дивчина – красавица, каких ещё свет не видывал!..», на это высказывание Катя лишь скептически улыбнулась, ничего так и не сказав в ответ. Семнадцатилетняя невеста, у которой имя было Арина, по праву считалась одной из красивых девушек в деревне, а Тимоха на неё глаз давно положил, когда она ещё девчонкой бегала по деревне. Всё ждал, когда подрас-

тёт и, наконец, дождался – заслали сватов. Хотя и был он комсомольцем, но пришлось под венец идти на благословение к батюшке в свою захудалую церковь иначе – ни невеста, ни её родители по-другому не соглашались. Непримиримая борьба с религией предстояла ещё впереди, так – что Тимофею повезло в этом плане – успеть обвенчаться с красавицей женой Ариной Осиповной. Одного лишь Тимофей не мог знать, что судьба ему отмерила довольно малый срок наслаждаться этой красотой. В тот памятный свадебный день: вначале обвенчавшись в церкви, после пройдя к сельсовету внесли запись в книгу бракосочетаний, и Арина Осиповна с того дня стала Судариковой.

Ещё в начале того же года, а если быть точнее – двадцатого января Екатерина Дмитриевна родила дочь, которую называли чисто греческим именем – Лена, которая в дальнейшем станет одной из главных героинь нашего рассказа. Эти маленькие радости в деревне будут в конце года с лихвой покрыты большой печалью.

Ещё год назад в январе девятнадцатого вышел Декрет о продразвёрстке, который предусматривал изъятие излишков продовольствия у населения. Вскоре на железнодорожной станции Бярятинск был создан пункт по сбору продовольствия и в основном хлебных запасов для отправки в Петроград и в остальные голодающие города Советской России. Станция Бярятинск как никакая другая подходила для пункта сбора продовольствия: там существовали склады и даже подземные холодильные хранилища, созданные ещё царским правительством в 1903 году. Со всей округи обозами продотрядов свозилось продовольствие на станцию, затем формировался состав и отправлялся по назначению туда, куда отстукивала телеграфная лента из Москвы. В ноябре двадцатого, подлечив в госпитале ранение в бедро, опираясь на палочку, приехал в деревню Иван Васильевич Судариков. Пункт

сбора продовольствия нуждался в хорошей организации отправки, потому сюда продолжали присылать всё больше преданных партии людей, одним из которых и был Иван. В день его прибытия, прежде чем отправиться в Бярятинск уже вечером сидя за столом с Тимофеем за рюмкой водки полушёпотом Иван рассказывал, как ему чудом удалось избежать – если не гибели, то пленения в той проклятой Польше, куда Тухачевский с пылу жару завёл армию

в капкан под Варшавой. Лишь ранение накануне и отправка в Советскую Россию спасли его от той участи, которой подверглись тысячи красноармейцев и командиров. Тимофей болезненно и близко к сердцу воспринял рассказ брата, возмущаясь поражением Красной армии в Польше.

А уже на следующий день оба отбыли на станцию Барятинск. Последующие дни декабря Иван хромя торопливо скакал по платформам у железнодорожных путей, помогая брату, который был назначен комиссаром по продовольствию складов на станции Барятинск – формировать и отправлять составы с продовольствием. На одном из составов поезда с продовольствием начальником на правах комиссара сопровождения отправился Тимофей, в команду которого вошли в основном активисты и комсомольцы из Вяжичек. Состав был особой важности, потому как продовольствие предназначалось городу Петрограду и в телеграфной ленте из Москвы строго предупреждали: «Доставить любой ценой!»

Прощаясь на перроне с братом Тимофеем, словно предчувствуя что-то недоброе и с тоской глядя куда-то в сторону – на опушку дальнего леса избегая встретиться взглядом с братом, внутренним голосом сказал ему:

– Арина через два месяца рожать будет, если что присмотри за ними. Вдруг не вернусь, не оставляй их в беде...

– Да брось ты Тимоха беду накликивать! – сказал Иван, – вернётесь, куда вы денетесь! Ещё и сельхозинвентаря привезёте с Путиловского завода, к весне как раз, кстати, будет – в особенности в коммунах.

На заявление брата Тимофей через силу улыбнулся, протянул руку, второй обнял брата и всё-таки высказал до конца то, что чувствовал в душе:

– Да нет брат, сердце редко обманывает – такой тоски в душе у меня ещё никогда в жизни не было. Ну ладно, будь что будет, прощай Иван. Не забывай за моих.

– Обещаю. Она у тебя славная жена. Возвращайся Тимофей!

Пробуксовывая колёсами паровоз уже тянул состав, Тимофей уже на ходу запрыгнул в открытые двери «Столыпинского» вагона, ладонью ещё раз помахал брату, оперся плечом на открытую створку двери и ещё долго стоял так и глядел на удаляющиеся строения станции, словно прощаясь навсегда с ними.

Предчувствие Тимофея не обмануло. Продовольственный поезд был остановлен в дороге среди глухого леса. В коротком бою из-за большого неравенства сил в перестрелке погибли почти все, кто сопровождал и охранял состав, в том числе и Тимофей. Его уже раненого нападавшие бандиты взяли и подтащили к паровозу, затем прислонили спиной к нему и расстреляли. Продовольствие из вагонов телегами вывезли в лес, а сам состав подожгли. В те смутные времена грабить поезда – не только продовольственные, но и пассажирские к тому – же убивать сопровождающих, было широко распространено по всем направлениям Российских железных дорог. Есть вещи, которые не могут рассматриваться иначе как бандитизм высшей категории. Если тебе не нравится Советская власть, и ты её объявляешь своим врагом

– бери в руки оружие и иди честно, как умеешь – воюй против неё! Но не прячься по лесам, не стреляй из-за угла в спину и как последний грабитель, выходящий на шпалы с кисте-

нём не грабь поезда с продовольствием, которое предназначено для того чтобы накормить голодных детей и не дать им умереть с голоду. Не зарься на побрякушки, отнимая их у мирных граждан которые едут в поезде ради того чтобы укрыться от произвола и насилия или найти себе приют. Бандит – какую бы он не нацепил цветом повязку на рукав и шапку – как бы он не рядился и не прикрывался лозунгами – всегда останется бандитом. И равным счётом не имеет никакого значения, по какую из сторон баррикады он находится: за красных он, или за белых.

Минули всего сутки, как тишайшие Вяжички огласились женским воем и плачем. Хрупкий мир деревенской жизни был взорван непоправимым горем:

– Убили-и-и...! Родненьких сыночков...! Изверги окаян-ные-е-е...! Глумились над вами раздёрганными и раздетыми донага! Будь вы прокляты по десятое колено! Сколько молодых душеньек загубили, душегубы вы проклятые!

Все жители деревни – от мало до велика, выйдя на середину улиц, голосили и причитали. Спустя ещё день: со стороны Бяратинска подошёл и остановился напротив Вяжичек паровоз с одной открытой платформой, на которой лежали рядком прикрытые парусиновым пологом мёртвые все девять человек молодых и таких здоровых парней. Погибли все Тимофеевы активисты и первые комсомольцы вместе со своим вожаком, а на следующий день состоялись похороны погибших.

В конце зимы – уже наступившего двадцать первого года, а если быть совсем точным, то и число двадцать первое февраля – Арина родила мальчика. Эта цифра: «21» станет роковой для новорождённого, которого назовут Павликом. Дойдя до финала нашего рассказа, мы обязательно заострим наше внимание на этой цифре, казалось бы – суеверной примете; но веришь ты в это или нет – факты зачастую говорят сами за себя.

Екатерина Дмитриевна трагическую новость гибели односельчан и самого Тимофея встретила с особой болью в сердце. Годовалая её дочь Леночка не слезила у неё с рук: нося её по дому мысли, постоянно возвращались туда, в тот прошлый день их приезда, когда к ним пожаловал Тимофей. Теперь она осуждала и раскаивалась за ту холодность к нему, которой она его тогда встретила в своём доме. Если в то время он ей казался чем-то сродни с теми московскими вершителями власти, порой мало отличавшиеся от тех, которые выскочив из леса, напали на продовольственный поезд, то сейчас предстал в образе агнца на заклание. Порой неосознанно думая о нём и о его такой ещё совсем молоденькой жене Катя начинала плакать. Пришедшая навязчивая мысль о дружбе Тимофея с её мужем и то, что именно Тимофей способствовал их благополучному переселению в деревню, а после обустройству: от этой мысли, чувствуя какую-то неблагодарность со своей стороны, она начинала плакать уже навзрыд. Вошедшая в комнату Паранья, оторопело став у порога с явным недумением смотрела на плачущую хозяйку, мысленно перебирая в своей голове и ища этому причину.

– Голубушка вы моя, – ласково спрашивала она Екатерину Дмитриевну, – никак обидел вас кто? Зачем столько слёз, от них только морщинки на вашем красивом личике появятся. Успокойтесь Катенька, если можете, поделитесь своей бедой со мною, гляди и помогу вам в чём-то.

– Не во мне дело Паранья Михайловна; по Тимофею я плачу, жаль его – как родного, а почему и сама не знаю. Стоит перед глазами как живой и мне каждый раз кажется, что с укором смотрит на меня.

– Мне Катенька их всех жаль, а Тимофея в особенности. Но что поделаешь – с того света не возвращаются, царство им небесное страдальцам. Завтра суббота: я побуду с Леночкой, а ты Катенька сходи в церковь, помолись за него убиённого

поставь свечечки за упокой души его грешной, закажи батюшке поминальную молитву по нему, гляди и полегчает – на душе-то. Арина-то бедненькая и жить ещё не жила вчера сама в куклы играла и уже вдова. Ты Катенька, как будешь возвращаться с богослужения зайди к ней голубушка. Оно – горе-то женское, к тому же когда ещё и в одиночестве всегда тяжестью на сердце давит. Зайди к ней. С тебя не убудет, а вам обоим, может и легче от этой встречи на душе станет. Ей – страдалице-то... – Ой! как тяжело сейчас, да ещё и с младенцем на руках!

На отшибе деревни чуть в стороне от остальной части домов стоял домик, в который совсем недавно поселился Тимофей со своей молодой женой. Сейчас там проживала Арина с грудным ребёнком. В родительский дом она пока что решила не возвращаться. Дивное сия-

ние той тихой радости под крышей собственного дома и семейного счастья рухнуло в одночасье, как хрупкий снежный наст на ветках ёлки; на смену пришла печаль одиночества и неизвестность покрытого в тумане будущего. От всего того горя, которое разом навалилось на её мольдые плечи ей свет был не мил, а тут ежедневно, кто-нибудь да заявится из деревенских жителей. Вот и сегодня перед обедом заходила Екатерина Дмитриевна: посидели молча, так и не найдя тех слов успокоения друг для друга; после распрощались испытывая неловкость и Катя ушла; а вскорости и Иван Васильевич пришёл. Арина продолжала обращаться к нему по имени и отчеству: прежде всего усматривая в нём представителя сегодняшней власти, к тому же ей он казался не по возрасту своей молодости каким-то намного старше её самой.

Минуло несколько дней, как однажды с улицы донёсся лошадиный храп: Арина, выглянув в окно, увидела подехавший ко двору дилижанс, из которого не торопясь, слез Иван: на подводе остались сидеть ещё двое красноармейцев в будёновках и при оружии, один из которых подал Ивану

Васильевичу трость вслед за ней рюкзак, наполненный до половины чем-то. После этого красноармейцы, спрыгнув на землю стали прохаживаться по-над забором разминая ноги. Иван Васильевич, всё так же хромя на ногу и опираясь на палочку, не торопясь направился к дому. Рана в бедре давно уже зажила, но при ранении был задет седалищный нерв и как сказал хирург делавший операцию, хромять ему придётся долго, возможно до двух лет.

Арина в это время стояла у окна, качая на руках сына, и пристально глядела на идущего по двору в дом Ивана: сейчас она по какой-то непонятной даже для неё самой причине с затённым интересом совсем иными глазами смотрела на него. Откуда-то взявшаяся промелькнула мысль: «Как люди быстро меняются... такой же недавно деревенский парень, а сейчас и не скажешь: благородный и учтивый и скорей всего ещё и храбрый, как мой Тимофей... – немного запнувшись на этой мысли, закончила её, словно поводя итог, – разве может быть иначе – они ведь родные братья!».

Войдя в дом, Иван поздоровался, немного смущаясь мольдой девушки, прошёл к столу и, водрузив на него рюкзак, сказал:

– Здесь продукты вам. Ты Арина Осиповна, – обратился он к ней как к старшей по возрасту или по положению, – кормящая мать, потому должна хорошо питаться. Не подумай, что продукты незаконно добытые, я от своего усиленно-го пайка собирал, мне, как ещё не излечившемуся полностью от ранения – комиссаром по продовольствию назначен усиленный паёк, а мне этого много.

Снял с себя кожаное пальто на овчине, повертел в руках не находя куда повесить кинул на рядом стоявший топчан и на него же усевшись, продолжил:

– Как ты тут в одиночестве да ещё на отшибе... не страшно одной-то?

– Кому я нужна, тот, кто нужен им был... – они уже его забрали, а я так... вроде есть, а может быть, меня и нет уже вовсе!

– Ну что ты такое говоришь!.. у тебя Арина, ещё жизнь вся впереди. Ты думаешь, мне легко? Я, по-видимому, буду клясть себя до конца дней своих за то, что не отдали им пулемёт. За несколько дней до этого нам поступила информация, что на базу в Бярятинске будет совершено нападение с целью – сжечь всю, вот потому и не дали пулемёт. Тимофей сам настоял на этом, – сказал, что нам он может больше пригодится. Вот и пригодился. Теперь-то я понимаю, что нас как последних идиотов, обвели вокруг пальца. Да, по правде сказать, там и жечь уже нечего было – пустые склады стоят; округу вычистили под метёлку. У крестьян хозяйства захудалые... кому управлять и ходить за ним, когда на германском фронте скольких мужиков потеряли. У крестьян на сегодняшний день – блоха в кармане да вошь за пазухой на аркане – вот и всё продовольствие.

– Иван Васильевич давайте я вас чаем из лесных и полевых трав напою, а?

– Как-то неудобно, ребята на улице прозябают, а я чай распивать стану, к тому же времени на это нет, как-нибудь в другой раз. Я вот что хотел сказать тебе Арина; ранее молчал, не до разговоров было: Тимофей в последнюю минуту просил меня за тебя с сыном, чтобы не оставлял вас я, он будто наперёд знал всё как будет, очень грустный был, даже слёзы, кажись на глазах поблёскивали. Конечно, возможно позже – ты выйдешь ещё раз замуж на то она жизнь...

– Никого мне не надо, – прервала она Ивана, – и говорить об этом не надо, я запрещаю вам! Я даже слушать подобное отказываюсь! – сказала она громко и со злостью в голосе.

– Прости, если сказал что не так, наверное – пойду я, ребята ждут, – сказал Иван виновато.

– Иван Васильевич вы никак обиделись? Не обращайтесь на мои слова внимания, поверьте, я вовсе не намеривалась вас обидеть – так вышло. Приезжайте в любое время, я всегда буду рада вам, у меня-то не так уж и много тех, кто мне дорог на этом свете и вы один из них.

Тот год – год двадцать первый – был первым мирным годом для молодой республики Советов: на её окраинах ещё долгие годы будут греметь выстрелы, а голод в Поволжье и в других районах станет новым испытанием на удержание власти большевиков. Иван Васильевич отозван будет вначале в Калугу, затем в Москву; посещать дом Арины возможно-стей практически не станет, иногда, когда это было возможно, насобирав продуктов с той скудной служебной пайки, он будет отправлять их Арине. Уже в самом конце двадцать второго года, когда на Дальнем востоке утвердился власть большевиков, и на этом, по сути, будет поставлена жирная точка в окончании Гражданской войны, Иван Васильевич, наконец-то прибудет в Вяжички. Войдёт несмело во двор Арины, оглядывая по сторонам и замечая все не обустроенные огрехи, когда во дворе нет хозяина, подойдя к окну, пальцем легонько постучит в окно. Подождав немного под дверью, которая казалось и не заперта, но и отвечала молчанием: вздохнул тяжело, намериваясь уже направиться к калитке, когда, вдруг неожиданно открылась дверь. На пороге стояла Арина, закутанная в шаль.

– Ваня?!.. – удивлённо, назвав впервые его по имени как равного себе, спросила она. Не произнося больше ни слова, уступила дорогу в сенях дома, тем самым приглашая к себе, а он, как и в прошлые разы, будто подросток на первом свидании: смутился, растерялся и даже забыл поздороваться, что сделал поспешно, войдя уже в дом. Немного придя в себя, Иван первое, что отметило его сознание – это отсутствие равнодушия в голосе Арины. Человеческие отношения порой

претерпевают многие преграды ими же и созданные. Зачастую, хотели-то – как лучше, а получилось всё не так как надо.

– Ну как вы тут жили без меня такое долгое и трудное время? – спросил Иван, словно явившийся муж домой после долгой отлучки.

От этих, им произнесённых слов, Арина улыбнулась: приветливым умильным взглядом посмотрела на него, зардевшись, с пунцовым жаром на щеках выдавила через силу свои слова:

– Как долго пришлось ждать тебя Ваня!.. думала, что уже никогда и не приедешь к нам.

– Ну, вот ещё сказала, как это не приедешь? мне-то больше и ехать кроме вас не к кому. Выходит – ты так сама и живёшь?!.. – спросил он, пристально вглядываясь в её лицо.

– Я же ещё в тот раз сказала, зачем об этом говорить лишне. Ты не стой посреди дома, а то я совсем растерялась, даже пригласить по-человечески не умею, проходи, раздвайся, не говорю тебе – будь как дома, потому как я надеюсь

– этот дом будет таким же твоим, как и моим.

– А где же мой племянник? – спросил Иван, заглядывая в проём соседней комнаты: там – на кровати, посапывая носом, спал Павлик, которому через два месяца должно исполниться два годика.

– Немного простыл, бегая во дворе, даже температура тела вчера была, сегодня кажись, немного лучше будет, – сказала Арина.

Какое-то время, оба стояли плечом к плечу на пороге дверей в соседнюю комнату и смотрели на спящего малыша. Иван вдруг резко повернулся всем корпусом к Арине, взяв её руку в свою ладонь, сказал:

– Будет лучше Арина, если ты станешь моей женой. Если ты Арина, не согласна по какой-то причине...

– Не продолжай дальше, прошу тебя, – прервала она его,

– я тебе давно об этом не один раз намекала, а ты словно и не замечал моих слов...

* * *

Окончание Гражданской войны, как бы подводило итог всей той «революции» семнадцатого года; а если говорить более подходящими терминами определяя данное событие, то назовём это большевицким переворотом и насильственным захватом власти. В отличие от самой верховной власти в лице лидеров партии большевиков и их вождей, которые вряд ли сами верили в то, что обещали народу, наши герои романа относились к той огромной части народа, которые искренне верили в светлые идеалы коммунизма, отдавая, не раздумывая свои жизни за это. На смену одной революции – политической – последовали, как из рога изобилия дополнительные всякие к ней: непримиримая борьба с церковью и со священнослужителями, высылка из страны деятелей науки и культуры, а вслед за этим грянула сексуальная революция. Продолжалась эта вакханалия почти десятилетие и лишь в двадцать девятом году уже Сталин решил положить этому конец. События её и результаты были в последующие годы, вплоть до конца второго тысячелетия строго засекречены. Приведа несколько примеров, почерпнутых из печати дней уже современных, где немногим авторам удалось по крупным восстановить то, о чём власть предпочитала молчать. Некоторые высказывания лидеров партии большевиков, из которых мы воочию можем сделать вывод, кто стоял у власти, чего они стоили, и что из себя представляли. Из всего этого можно сделать вывод – кто они были на самом деле – эти так называемые – «Вожди». Главными идеологами сек-

суальной революции, которые провозглашали новую мораль и внедряли с помощью активной пропаганды, были государственные деятели: – Карл Радек и Александра Колонтай, именами которых впоследствии будут названы улицы, школы и прочие госучреждения. На первом Всероссийском съезде союзов рабоче-крестьянской молодёжи в устав был внесён пункт с подачи Колонтай, как народного комиссара общественного призрения к тому же она занималась охраной материнства и младенчества; на этой почве, не забыв написать несколько «выдающихся» работ таких как: «Любовь пчёл трудовых» и «Дорогу крылатому Эросу», где подробно изложила свои взгляды на половой вопрос, призывая лозунгом: «Оголённый, не прикрашенный любовными переживаниями инстинкт воспроизводства». В последующем газеты пестрили её статьями и выступлениями на публике: «Любая комсомолка должна сексуально удовлетворить любого комсомольца, как только он об этом попросит. – Говорила и писала она. – Такое возможно в том случае, если комсомолец активно участвует в общественных работах и регулярно платит членские взносы». Карл Радек стал вдохновителем общества: «Долой стыд!». Именно он обычно шёл голым во главе московских нагих демонстрантов. По свидетельствам современников, в таком же виде принимал и гостей в своей квартире.

Александра Колонтай писала: «Такой пестроты брачных отношений ещё не знала история: неразрывный брак с уютливой семьёй и рядом преходящая связь, тайный адюльтер в браке и открытое сожительство девушки с её возлюбленным, брак парный, брак втроём и даже сложная форма брака вчетвером». Троцкий писал Ленину: «Семья, как буржуазный

институт, полностью себя изжила. Надо подробнее говорить об этом рабочим». Ленин в свою очередь дал исчерпывающий ему ответ: «И не только семья. Все запреты, касающиеся сексуальности, должны быть сняты. Нам есть

чему поучиться у суффражисток: даже запрет на однополую любовь должен быть снят». Газета «Правда» от 7 мая 1925 года писала: «Муж моей подруги предложил мне провести с ним ночь, так как его жена больна и этой ночью не может его удовлетворить. Когда я отказалась, он назвал меня глупой гражданкой, которая не способна постичь величие коммунистического учения». Феликс Дзержинский являясь непосредственным организатором трудовой коммуны для малолетних преступников, расположенной возле станции Болшево Московской железной дороги, где содержалось около одной тысячи подростков, возрастом от 12 до 18 лет, среди которых было более трёхсот девочек и девушек. Они проживали в совместных с юношами помещениях. Воспитатели в отчётах с восторгом сообщали: «Половое общение в коммуне развивается революционными методами. Смена партнёров происходит по их желанию, и такие отношения отвлекают воспитанников от противоправных действий».

Каменный век! Пещерные времена! И то, вполне вероятно, что в те далёкие времена все ходили в набедренных повязках из шкур диких зверей. Колонтай (Шурой) за глаза её называли – пройдя путь комиссарских постов, сменив мужей и любовников – на один час немёрно, которым счёта не было, к тому же вполовину моложе возраста своего, как-то умудрилась на политической арене здравствовать до глубокой старости. Станет первым в мире женщиной послем, после чего сменит несколько стран, исполняя обязанности посла. В отличие от своего единомышленника по взглядам на секс Карла Радека, которому крайне не повезло. Вначале его лишили всех занимаемых постов в правительстве, – после подумали: «Маловато, как-то получается...», в двадцать седьмом отправили в ссылку, в тридцать шестом в тюрьму, где по тихому и удавили – нехрен было по улицам Москвы голым расхаживать, а дома гостей принимать, когда визитной кар-

точкой хозяина при встрече являлось причинное место. Современному человеку трудно представить подобный такой приём. Приходите вы в гости к своему шефу фирмы – по случаю юбилея его – а сам виновник торжества, расплывшись в любезной улыбке, колыхая своими причиндалами, встречает вас на пороге, в чём мать родила. Представили?! Смелости повторить хватит?.. А это не кто-нибудь, а комиссар занимающий массу постов в правительстве, к тому же соратник самого Ленина. С неизменной курительной трубкой в зубах, с такой, как впоследствии Сталин расхаживал по своему кабинету: с бакенбардами до бороды Радек был копией корабельного голландского капитана времён парусного флота. Оказывается, ходить по улицам голым мужикам нельзя, а вот женщинам не возбраняется. Колонтай – вначале двадцатых годов – пошла уже по посольской карьере – вовремя слиняла

– посвятив этому делу четверть века, прожив долгую жизнь, а за год до смерти Сталина сама отправилась в мир иной, чтобы Хозяину там место подготовить. То, что касается бездомных детей – этот вопрос вообще не обсуждаемый, ибо первыми кого должны были поставить к стенке – тех, кто это затеял. Плеяда, которая подыгрывала сексуальной революции довольно пёстрой. Начиная от поэта Маяковского, который в Симферополе участвовал в демонстрации голых женщин, гордо шествуя среди них – правда сам обнажился не полностью – духу не хватило или похвастать нечем было. До наркома Семашко и лиц, имена которых канули безвестно в историю по своей незначимости. Казалось – куда больше свобод?! НЕП (Новая экономическая политика) широким шагом вылила по стране: торгуй, куй, шей, пряди и главное – воруй! Пей, ешь, гуляй, веселись, гольшом по улице ходи: две тысячи лет о таком мечтали. Наконец-то – пришло! А секса – безмерно, на сколько силушек хватит и самого желания. Говори, что в голову взбрédёт, даже если это сумасшествие, и это в то время

когда после семилетней войны: Германской войны и Гражданской страна вся нищая и голодная. Москва в начале двадцатых годов голода и нехватки продовольствия не испыты-

вала: она в то время от жиру с ума сходила да демонстрации устраивала. Вполне возможно, что власть в чём-то подыгрывала всей этой вакханалии, заодно выявить – кто и что из себя представляет; ибо репрессии в последующие годы перекроют с лихвой всё то, что казалось, пришло надолго, а иные думали

– на века. В Москве подсчитали за год количество внебрачных детей, оказалось половина от общего количества появившихся на свет. К тому же отдадут на воспитание государству, а деньги нужны совсем на другие цели. Но, главное! – граждане Страны советов занятые плотскими утехами уже не желали строить социализм, не до этого им теперь. Летом 1926 года грянул скандал, страну всколыхнуло чубаровское дело (название переулочка в Ленинграде), где комсомольцы и коммунисты надругались над девятнадцатилетней девушкой, которая получила букет венерических заболеваний. Дело, получив гласность, и массовое возмущение дошло до суда: пятерых расстреляли, остальным длительные сроки заключения. С этого момента стали постепенно закручивать гайки – для простых смертных: «Повеселились и буде! Пора и честь знать! Закон он и есть закон – пора и о нём вспомнить...». Для Вождей можно кое-что и оставить: по мере их преданности идеям и лично товарищу Сталину. Не угодил – можно и о сексуальной распущенности вспомнить. В дальнейшем Калинин на балетных помешался, а ещё чуть позже – Берия на школьницах и студентках адюльтер применять станет. Чем же всё-таки закончилась сексуальная революция?.. А ничем, как и революция пролетарская! Надо же – у самых стен Кремля устроили нудистский пляж на берегах Москвы реки – совсем обнаглел народ! Вначале сделали платные аборт, после, совсем уголовной статьёй запретили их; за гомосексуализм также – уго-

ловная статья; вскоре и голышом ходить по улицам Москвы всем расхотелось, ибо не сделай то, что сделали: скатился бы народ московский ниже уровня животного.

Можно продолжать рассказывать подобную мерзость и далее, на это есть много свидетельств, но мы думаем, этого – выше сказанного вполне достаточно. Из всего этого вывод – выкрики от народа: «При коммунизме – как спать будем... все под одним одеялом?!» – актуальны, справедливы и взяты не на пустом месте. Читатель спросит, – для чего выше сказано? Отвечаем, – чтобы отделить зёрна от плевел. Высыпав на стол зёрна вместе с шелухой: ребром ладони – зёрна в одну сторону плевела в другую, затем наклонившись, набрав в грудь как можно больше воздуха сдуть шелуху со стола. Простой народ в своей массе, а среди народа этого – Тимофей и Иван – это зёрна. «Вожди» – затеявшие смуту и нагло обманувшие народ

– плевела! Михаил Калинин – балерины, Берия – школьницы; остальные, когда жена надоела – в лагерь её для заключённых. Исключая из списка так называемых «вождей» – Климент Ворошилов – любил он видимо сильно свою жену – остальные все поголовно жён в ад отправили – в лагерь жизнь доживать. Ну, а жена Сталина застрелилась, а скорее помогли. Вот истинное лицо лидеров большевиков! Тут, с этой сексуальной революцией совсем было забыли напутствия Ленина: что первейший-то враг идеям коммунизма – это попы и все поголовно всякие священники – за них и взялись по второму кругу. Кого – на Соловки, кто-то чуть дальше поехал – на крайний север в глухомань тайги; кому-то и пуля в затылок; священники-то первыми забили тревогу по поводу сексуальной распущенности. Нечего было гавкать и напоминать о себе, гляди и не вспомнили бы о вас.

Но, к нашим героям романа, как и к миллионам простых граждан, Советской России всё то, о чём мы рассказали выше, равным счётом никакого отношения не имело потому

как, они наивно продолжали верить – во всю ту утопию, которую им втемяшивали в уши. Москва, как и в прежние времена, являлась государством в государстве и жила далеко не по тем законам и правилам, что весь народ российский.

* * *

В конце января 1924 года Иван Васильевич отбыл в Москву на похороны Владимира Ильича Ленина. Всенародное горе по- истине было велико: ибо испокон веков простой народ при- учился верить, надеяться и терпеливо ждать праведного мило- сердного Царя-батюшку, а как он там называется – это дело уже второе, главное-то: обещал много хорошего и справедли- вого. Потому плакали и рыдали искренне и без всякой на то фальши. Ленин, по сути, в истории ещё долго будет оставаться личностью спорной: одиозной, противоречивой и непредска- зуе- мой в прошлом, если бы, конечно Бог дал ему пожить дольше – имеющий как многочисленных своих сторонников, так и противников. Но расстреливать царских детей в самом что, ни на есть начале своего правления, всё-таки не стоило бы! Взяв на себя столь великий грех, и сам долго не задержался на этом свете. Как говорят: «За такие страшные грехи – туда ему и дорога!». И сколько бы мы не листали историю человечества за все его тысячелетия существования, мы не найдём там случая чтобы на вершине власти хотя бы какое-то время находился человек с кристально чистой душой и такими же поступками. Подобных отродясь никогда не суще- ствовало! Пришёл к власти с благими намерениями, а получилось, как и у всех. Короля как говорят – делает свита, какие люди тебя окружают, таким и ты станешь – в конечном счёте: «Отправился в лес дровишек на зиму нарубить – трудился в поте лица – к концу оглянулся:

«Ах!.. сколько же доброго леса я загубил!..».

У Ивана и его жены Арины в тот год родился мальчик: назвали Анисимом – в буду- щем станут называть почему-то – Сеней. Ребёнок появился на свет здоровеньким, сильным на ручки, что с первых месяцев его жизни замечено было роди- телями и уже в годик подтя- гивался на ручках как акробат. У Чигарёвых Екатерины и Егора в тот же год родилась девоч- ка – Натальей названа была. Паранья как-то сказала Кате, что видимо тогда идя из церкви, она не напрасно зашла погос- тить к Арине, потому Бог и наделил вас в один год детишка- ми. Так что, хотя год в Советской России и был траурным: пе- чалились, что мир покинул возмутитель- ный российский спокой- ствия – по своей воле или кто помог – это лишь Богу извест- но, но многие этот год прожили не зря. Простые люди радо- вались новым, появившимся на свет малышам, а «Злодейст- во», тем временем старалось обрядить себя в одежды гени- альности и правед- ности, и народ продолжал верить этому. Сравнить подобное можно с Новогодней ёлкой. Сру- били её бедную в лесу. Втащили в дом: обрядили, огни на ней за- жгли, а детям – за живую ёлку выдают и те глупышки верят. Но в песне взрослые всё-таки проговорились: «В лесу она росла!.. красивая и стройная была!..».

Судьба у Екатерины Дмитриевны и у Арины была на то время схожей: как у одной муж- нёс службу в отрыве от се- мьи, так и у другой. Ивана Васильевича судьба партийного работ- ника кидала с места на место – туда, где постоянно по- являлись прорехи во власти, которые возникали одна за дру- гой и, требовалось всё восстанавливать, иной раз с самого что ни на есть начала. Прибыл в пункт назначения – «А», а там о Советской власти и слыхом – не слыхали, а если, что-то и было в самом её начале, то тут же прикидываются все ду- рачками: «Чё-то, о таком не слыхали, – говорят они, – это... никак царь с царишкой новое что-й-то придумали? Нам-то всё равно... лишь бы рожь родила да дети скарлатиной не

болели...». Начинаем создавать Советскую власть. Пока река спокойно несёт свои воды – туда, куда ей надо – до тех пор она красива, величава и много пользы от неё. Перегороди её и получишь множество прорех, а то и вовсе реку угробишь. Народ – это река и с ним нужно плыть по течению. Егор Вла- димирович тоже на месте не сидел: часто отправляясь по слу- жебным делам в столицу и задерживаясь там – на неде- ли, а то и на целый месяц. Нашим героям, в то нелёгкое вре- мя, конечно, было не до философии. Иногда, на досуге или перед сном многие задумываться стали, что не в ту сторону гребём, а то и против течения. Жизнь шла своим чередом, ибо время не остановишь: меньшие дети подрастали, новые появлялись на свет. Если Екатерина Дмитриевна решила на этом поставить точку и в силу своего возраста больше не ро- зать, то у Арины – девушки ещё молодой, вслед за Сеней детишки посыпа-

лись как горох из дырявого кармана. В тридцатом году родился ещё малыш, которого Колей назвали, а через два года Бог подарил девочку; может быть, потому Марией и назвали – в честь святой девы Марии, хотя и не католиками были.

На смену всяким революциям пришла – «Коллективизация» – вначале добровольная, а вслед за ней сплошная принудительная. О ней рассказывать мы не станем, потому как, она ничем не отличалась от тех порядков и условий, которые происходили на всём пространстве необъятной страны Советов – мы об этом ярко рассказали в романе: «Курай – трава степей». Различие лишь было в том, что в Вяжичках и раскулачивать-то было не кого. Кругом одна беднота, из которой и создали колхоз. Раньше жили бедно, а теперь стали ещё на несколько порядков бедней: если раньше хоть какие-то были люди зажиточные в среде деревенских, то теперь и милостыню выпросить не у кого – зато все равны! Если бы не то продовольствие, что периодами привозилось своим семьям

Иваном и Егором, то неизвестно чем бы они и детей прокормили. На год тридцать второй, как завершающего периода коллективизации в семье Чигарёвых из пятерых детей в деревне с Екатериной Дмитриевной оставалось всего двое самых меньших: двенадцатилетняя Лена и Наталья восьми лет. Трёх старших Егор Владимирович увёз в Москву и определил на учение. Самой старшей Полине на тот момент исполнилось уже двадцать; замуж она выйдет поздно уже перед самой войной за Григория Силантьева, у которого был ещё меньший брат, ставший впоследствии известным композитором. Уже после войны в сорок седьмом году у Полины родился сын – Анатолий, который и станет единственным ребёнком в семье Силантьевых. Полина проживёт долгую и, наверное, счастливую жизнь; о том – посещала ли она и её сёстры с братом Иваном деревню Вяжички уже после того, как Екатерина Дмитриевна окончательно переехала на жительство в Москву к детям, мы сказать не можем, ибо таких данных у нас нет. Ефросинья, выйдя замуж, детей так и не заимеет, так проживя жизнь вдвоём с мужем. Иван уйдёт в сорок первом на фронт ещё не женатым, с войны вернётся без ноги, и проживёт всю жизнь в одиночестве. Природа, словно компенсируя этот недостаток у старших детей Чигарёвых малостью потомства, с лихвой наградит детьми двоих самых меньших: Елену и Наталью, но об этом мы расскажем чуть позже.

У Арины на то время дети были ещё маленькими, лишь самому старшему сыну Павлику исполнилось одиннадцать лет: Анисиму всего восемь, Коле два годика и в том же году родилась Мария. Деревенская жизнь пролетает столь незаметно в особенности в летнюю пору даже тогда, когда она эта жизнь полуголодная и подвержена тяжёлому крестьянскому труду. К восемнадцати годам Павел, выучившись на тракториста, что в те времена считалось престижным, уже зарабатывал свои трудовые в колхозе, внося тем самым леп-

ту в благосостояние семьи. Стояла осень года тридцать девятого года. Иван Васильевич уже третий месяц как не подавал о себе вестей. Вначале Арина думала, что его куда-то далеко отправили по службе, но когда в газетах скупо стали проскальзывать сообщения о каком-то финском военном конфликте, названной впоследствии: «Зимняя – компания», она стала подозревать, что Иван вероятно там и находится. В тот год Арина была в положении и в ноябре родила мальчика, которого, как и договаривались с мужем, назвала в честь деда – Василием. Может быть, если бы не тридцать девятый – а за ним последующие военные годы, то дети появлялись бы и дальше, но рок всегда неумолим. Уже наступила зима, а от Ивана ни весточки, и лишь в январе она получила от него письмо, в котором он кратко писал, что жив, здоров, находится на службе по заданию партии.

Эта малоизвестная война, о которой станут больше помалкивать, чем говорить обоглась стране большой кровью; и хотя, так называемая: «Линия Манергейма» была всё-таки преодолена, не считаясь с потерями для Красной Армии, и наступление её продолжалось на Хельсинки, пришлось быстренько заключить с Финляндией мирный договор. За спиной белофиннов, как их тогда называли, по сути, стояла нацистская Германия – это была проба

сил ещё не окрепшей молодой республики Советов. По праву – финнов отогнать подальше стоило тогда, чтобы не подглядывали в дверную щелку, и потому как единственный на Севере незамерзающий порт Мурманск и сами окраины Ленинграда повергались большой опасности с их стороны. В противном случае, в сорок первом не удержать бы нам ни Ленинграда, ни Мурманска с незамерзающим портом, который на протяжении всей войны исполнял функции доставки грузов от союзников и являлся основной базой Северного флота. Но отгонять финнов с окраин Ленинграда надо было быстро и жёстко. Так вот и делай

людям добро: Ленин финнам и полякам дал государственную самостоятельность, которой они не имели при Российской империи, тем самым приобрёл новых врагов по соседству. Ельцин Советским республикам тоже предоставил государственную самостоятельность – результат на лицо...

Можно перелопатить всю литературу включая саму Историю времён СССР, но о финской войне, если и найдём что-то, то не более пару строк, словно её и не было: «Летом 1940 г. Карельской АССР были переданы территории, перешедшие к Советскому Союзу по советско-финляндскому договору...». Вот и вся война, а о ста тысяч, по другим сведениям во много больше погибших наших воинов – ни слова. По большому счёту она была необходима, но не такой, же ценой – в сотню тысяч погибших, раненных и обмороженных. Эта так называемая «победа», о которой предпочитали помалкивать, по праву учитывая огромные потери, явилась больше поражением, чем победой. К зиме тридцать девятого года командный состав в Красной армии основательно подчистили репрессиями, а, как известно – всякому ремеслу за день не научишься, потому и брали всё на-авось – да на

«Ура!». Линию укрепления: «Манергейма», по праву можно считать неприступной. Прежде всего, она была необычна, если сравнивать её с общепринятыми понятиями. Там не было сплошной линии траншей и окопов, многорядных заграждений колючей проволоки, они если и присутствовали то только в отдельных местах, не было многого того, что ранее было на подобных цитаделях обороны.

На первом месте там являлся это сам естественный ландшафт, как нельзя лучше подходящий для обороны: скалы, покрытые хвойным лесом и под ногами тот же камень – в землю зарыться не получится. Пока выроешь окоп – двадцать раз снайперы успеют убить. Как дополнение к скалам, на всей протяжённости линии обороны, где местность была

более, менее ровной: в скальный грунт были вмонтированы железобетонные конусы – препятствие, через которое не то, что танк, человек с трудом пробирался. Каждый квадратный метр простреливался без надежды на то – кому-то выжить. На всём протяжении укрепленная линия состояла из дзотов и дотов, каждый из которых со стороны из выгодных секторов и точек обстрела охранялся снайперами. Так что о том, чтобы подобраться к доту, проскочить в его мёртвую зону обстрела, можно было навсегда забыть. Финские снайперы, состоящие в основном из охотников, стреляли без промаха не только днём, но и ночью когда светит луна.

Когда-то, ещё в годы шестидесятые лично я был близко знаком с человеком, который прошёл всю эту трёхмесячную финскую войну, в то время он находился на срочной службе в армии, где в самом конце этой войны был ранен, может потону и жив остался. Вслед за ней протопал дорогами Великой Отечественной: с первого дня – до последнего, закончив её в Кенигсберге и тоже по ранению. Этим человеком был Писанко Николай Иванович: 1918 года рождения, родом он из села Платоно-Петровка, где и прожил всю свою жизнь – там и похоронен. Село это расположено в шести километрах от города Азова, считай, что в пригороде. Николай Иванович был отцом моего школьного товарища и друга юности. Сам по себе он человек был немногословен: рассказывать что-то о войне не любил – слова не вытянешь. Собственно, он мало чем отличался от тех, в то время ещё многочисленных и здравствующих фронтовиков

– замкнутые какие-то они все были, к тому же наград не любил носить. Я даже не знал, есть ли они у него эти награды и сколько их. Год 1965 – этот год для фронтовиков стал первым, к тому же юбилейным, когда официально был введён праздник День Победы – 9 мая; впервые была выпущена юбилейная медаль двадцатилетия Победы над Германией, которую вручили всем её участникам. К этому дню наша школьная самодеятель-

ность готовила уже целый год постановку спектакля в сельском клубе. Названия пьесы уже не помню. По сюжету пьесы: там рассказывается, как сразу после окончания войны полковник Советской армии возглавляет комиссию по возвращению советских детей на Родину ранее угнанных немцами в Германию. Эти дети, находясь в концлагере, попали в американскую зону оккупации. Американцы неохотно отдают детей и тайно вывозят их за океан. Случайно этот полковник встречает свою дочь, и она, признав своего отца, кинулась ему на шею!..

Главная роль полковника досталась мне. И спектакль прошёл на ура, недаром мы его целый год готовили. Женщины в зрительном зале даже плакали, и единственное что не совсем соответствовало постановке на сцене, так это роль дочери – равная по возрасту отцу; как не пытались подобрать на эту роль девочку из младших классов, так и не смогли – слишком роль была сложная и текста много. Остальное всё получилось – даже не предполагали такого аншлага. Мне, на роль полковника: подогнали, перешили по моему росту парадную солдатскую форму, в то время солдатские парадные кителя мало чем отличались от офицерских времён войны. Встал вопрос о наградах, которые по сценарию крайне необходимы были, и должны украшать грудь полковника, к тому же орденов и медалей должно быть много. Вот тогда я и обратился к Николаю Ивановичу. Его жена Таисия вначале воспротивилась, причину сказать не могу потому, как не знаю, но дядя Коля коротко лишь сказал, – отдай! – Вот тогда только я узнал – сколько их у него. Его жена Таисия вынесла жестяную квадратную коробку: красивая такая, разрисованная – из-под чего она сказать не могу, главное что большая. Открыла: на мягкой подушечке в два слоя лежали награды... – когда мне на китель прикрепили все в том порядке, в каком положено вся грудь получилась, увешана наградами. Для подростка с его фигурой – как бы многовато было: долго мудрили, размещая их туда-сюда, пока, наконец, не пришли к

единственному мнению. По памяти назову только те, которые точно помню. Два ордена – «Красной звезды» и ордена – «Отечественной Войны» – степеней не знаю, этих тоже два было. Два ордена на планке с Георгиевской лентой, один из них как помню – орден «Боевого Красного Знамени» и две медали – «За Отвагу», медали – «За взятие Кенигсберга» и, «За Победу над Германией», остальных, к сожалению не помню. Этот иконостас я надевал три раза: первый раз на генеральной репетиции спектакля, второй – на первом спектакле 9 мая, и третий раз в том же году на Новый год нас попросили сыграть на сцене его ещё раз. Надевая на себя китель с наградами со мной что-то во внутри происходило, я – словно пьянел: был чрезмерно возбуждён, и вообще всё было довольно странно... – будто магия какая-то. Мне казалось, что я сейчас полечу – просто мистика – то, состояние души и внутреннего самочувствия: как тогда билось моё сердце – словно у воробья и казалось, я слышу его. Всё это запомнилось на всю жизнь; прожив немало лет, сколько я не вспоминал больше подобного чувства так никогда и не испытал. Вот что такое боевые ордена и медали! Боевые награды, прошедшие на груди их владельца бои и сражения: впитывая, насыщаясь всей той информацией, которой пронизано было всё вокруг пространство, а вместе с ним и те чувства солдата, бушевавшие в нём самом. Под той гимнастёркой, на которой были закреплены награды и прикрывали грудь его, слушали стуки сердца и считывали мысли воина, когда он шёл в штыковую атаку. Вполне не исключено, что потому и спектакль такой удачный получился. Возвращая награды, я чувствовал какую-то тягу к ним: крайне не хотелось с ними расставаться. Пока тётя Таисия аккуратно укладывала их на место я стоял сзади и через её плечо с сожалением наблюдал за её руками, будто расставаясь с чем-то живым и сердцу дорогим...

А на следующий день фронтовики продолжали отмечать праздник и обмывали новую полученную юбилейную ме-

даль. Николай Иванович человек был не пьющий, но в тот день пришёл немного выпивши. Мы вдвоём с его сыном Петром сидели на лавочке под забором; он подошёл и, усевшись с нами, стал нам рассказывать почему-то именно о войне с Финляндией, вероятно, она – эта засекреченная война, для него была куда памятной и страшнее, чем четырёх-летняя с немцами. Рассказ его мне запомнился на всю жизнь, и я изложу содержание этого рассказа так, как я его в то время воспринял.

...Кругом всё покрытое снегом, лишь чёрная хвоя деревьев и такие же чёрные выступы остроконечных гранитных скал выделяются тёмными пятнами на этом белом фоне. Под ногами сухой как порох снег с крупой, будто горох под ногами скользит. Кругом тишина, ветка на ёлке не шелохнётся – страшная тишина, ибо она таит в себе смерть! Каждый неверный шаг, как и движение тела, могут оказаться последними в твоей жизни. Отовсюду: из-за каждого выступа скалы, как и с любого дерева, веяло духом гибели, отчего на душу постоянно накатывалась душевная тоска, а мысли в голове друг друга спрашивали о той нелепости, и казалось ненужности этой войны. Говорить об этом даже во сне самому себе боялись: кругом уши, кругом провокаторы и стукачи. Впереди линия обороны финнов, на штурм которой ходили уже несчётно раз и всё впус-тую, оставляя после каждой такой атаки лишь поле усыпанное трупами. Каждый сантиметр площади простреливается вдоль и поперёк, и взять эту преграду можно лишь единственным способом – это если штурмующих бойцов будет больше численностью, чем у противника имеется пуль. Дзоты и доты: к ним, да-же если бы и удалось добраться – простой гранатой не возьмёшь – здесь нужен крупный калибр пушки; лучше бы тяжёлого танка и прямая наводка, от навесного артобстрела пользы мало, а лучше сказать – никакой: как по воде батоном. Тяжёлый танк сюда не пройдёт: скалы, обрывы, лес и снайперы – они

везде и повсюду, порой кажется, что под каждым камнем и на каждом дереве сидит. Окоп, как и траншею не выроешь, под ногами гранит, только взрывать, потому пользуются лишь естественными укрытиями. Периодами тишину нарушает артобстрел – бризантные снаряды – это исчадие ада. Та же шрапнель только в современном виде. Шрапнель разрывается в воздухе, но взрыв её схожий с разрывом осветительной ракеты – на все стороны; бризантный снаряд, разрываясь над головой, при этом осколки от него все направлены строго в землю, потому в радиусе его разрыва остаётся всё иссечено осколками, будто капусту пошинковали. Единственное спасение, если удастся затесаться между скал. Перед очередным штурмом наших бойцов подкрепляют лёгкими танкетками – от них пользы, как от козла молока: двадцати двух или тридцати двух миллиметровая пушка, из которой только по воробьям стрелять, к тому же броня на танкетках в девять миллиметров, которую финны бронебойными насквозь прошивают.

Установившаяся, который уже день однообразная погода: по утрам всё в мареве морозного тумана; на время в душе исчезает страх перед снайперами, но на смену ему приходит опасность перед егерями – лыжниками. К обеду появляется над самым горизонтом багряное солнце, которое ползёт медленно по кромке скал и леса, ни на вершок не подымаясь, отчего с непривычки кажется, что всё время стоит утро, и день никогда не настанет. Часто в такие ранние утренние часы неожиданно обнаруживали вырезанных часовых, а то и спавших бойцов в подразделениях. И всё это случалось ночью и без единого выстрела. Финны, будто невидимые субстанции, молча и тихо в белых масках, словно духи быстро скользят на лыжах, мастерски умели на ходу стрелять из своих карабинов, а приблизившись на короткую дистанцию, могли метнуть нож-финку, которая шансов остаться в живых не оставляла. Который день подряд артилле-

рия из дальнего тыла по корректировке через головы своих бойцов, долбят снарядами по одному и тому же месту, про- бивая тем самым проход в обороне финнов: сравнивают скальную поверхность для прохода лёгких танков, кроша бетонные конусы, торчащие над землёй как громадные зубы доисторического монстра. Иногда удачно угодивший снаряд в дот разворачивает бетон, показывая его требуху, отчего в сердце красноармейцев на минуту вселяется радость, – эта, гадина, стрелять уже не будет. Существовал ещё один, может быть самый страшный враг – это постоянный невыносимый холод. Подстерегающая на каждом шагу смерть – это абстракция: толи убьют – толи пронесёт, это ещё бабка на- двое сказала. А если и убьют, то смерть от снайпера или от бризантного снаряда наступит мгновенно, так зачем об этом думать. Холод – вот самый главный враг! Он пронизывает до костей все двадцать четыре часа в сутки, кажется, от этой пытки скоро с ума сойдёшь; от него ни на минуту нигде нет спасенья. Костёр не разожжешь, ибо в ту же минуту прилетит снаряд. Костёр, будь это ночь или день – это ориентир для врага. Возле костра можно согреться лишь вдали от передо- вой, но туда не пойдёшь, там-то же смерть только от своих, как и здесь. С каждым днём обмороженных красноармейцев становится всё больше, их давно уже гораздо больше, чем раненных и убитых снайперами.

Ночью, когда небо морозное и ясное, когда кажется что можно потрогать его рукой – задрав голову, смотришь на звёздный млечный путь странника: на душу в такие минуты наваливается тоска и хочется выть, как это делают волки!..

Я рассказал вам всё это со слов ветерана, который про- шёл всё это, а те ордена и медали, которые он получил вна- чале, будучи рядовым красноармейцем на финской войне, а уже во времена Великой Отечественной войны сержантом: замечу вам, что таким чинам – кабы за что – орденов не да-

вали. Николай Иванович, кстати, разведчиком начав на фин- ской войне, в той должно- сти и закончил войну в Кёнигсбер- ге. Вполне не исключено, что там, на финской войне он мог встречаться с нашим одним из героев романа политруком, возможно, немного повыше в должности: мы знаем, что на той войне он был политраблотником – с Судариковым Иваном Васильевичем. Жизнь иногда приносит не такие сюрпризы. Но нам это, к сожалению не суждено узнать.

Что касается Николая Ивановича, то таким людям верить можно без сомнения. Да он, собственно о своём геройстве даже намёком не упомянул. Под конец сказал лишь, что спустя месяц от начала боевых действий и бессмысленных потерь: «Мы же не дураки, чтобы до бесконечности лбы свои им подставлять. Стали воевать их же методами и получалось порой гораздо лучше, чем у них. И снайперы не хуже появи- лись, и вырезать ихними финками их же стали. Русский му- жик, как никакой другой всему быстро учится, в особенности, когда его жизнь стоит на кону...».

Почему я рассказал именно о нём?.. Прошло не так уж много времени – в мерках земных конечно. Уже в годы де- вяностые в стране стали появляться липовые «ветераны» на- купившие на барахолках орденов и боевых медалей у вете- ранов, которым на тот момент жрать было нечего, а из заначек только и была драгоценность – эти боевые награды:

«Один хрен не сегодня так завтра помирать, хоть не голод- ным на тот свет отправлюсь...» – сказал каждый нищий вете- ран сам себе, и понёс награды на барахолку. Знал и я од- ного липового «ветерана», Владимиром звали, фамилию умолчим – житель города Азова. Как-то однажды, сидя за столом в кругу немалого числа людей, решил он поведать о своих былых походах на поприще славы Российской:

– В войну я служил в Кронштадте, – рассказывает он, – в казематах, где береговые орудия стоят, и фарватер к под-

ступам Ленинграда сторожат от немецких кораблей. Вот мы с тех орудий и долбили немцев. Сидим как-то в этом бункере, где орудия смотрят на море:

открывается неожиданно металллическая дверь с грохотом и заходит к нам в бункер сам Сталин. Подошёл этак к нам, за руку со всеми поздоровался... Дальше рассказывать этот бред не стоит, в него может

поверить разве что четырёхлетний малыш, а как я позже узнал – этот «ветеран», оказывается 1930 года рождения, то есть, на год начала войны ему было одиннадцать лет. Детская голова, давно всем известно, что богата на всякие фантазии, видимо ещё от детства крепко в мозгах застряло. Но, награды в девятые продолжал носить, чаще на пиджаке планки в несколько рядов, как у генерала. Спроси его, что и какие награды они обозначают – в жизнь не ответит. В девятые можно было всё: после ПТУ – на следующий день стать профессором, а то и академиком. Утром из дому вышел ПТУшником – вечером домой возвратился учёным чело- веком, на худой конец – доктором наук. Для начала, хотя бы

– наук философских; там высшую математику и сопромат знать не надо – философии разные бывают, может я свою новую придумал. – Где диплом взял? – спрашивают его:

«В подземном переходе, – отвечает он, – там их на мешок продают...». Но эти-то «учёные» ладно, Бог с ними пусть радуются: в голове пусто, зато диплом в кармане есть. Обидно за настоящих ветеранов и стыдно за липовых, вылупляющих- ся на свет божий ежегодно. Интересно бы знать, – когда, будут отмечать столетие со дня Победы, будут ли ещё «ветераны» – свидетели тех событий?.. Наверное, будут.

После столь кровопролитной неудачной «Зимней» кампании, нет бы, вплотную заняться обучением в армии ведения войны в современных условиях, извлекая уроки и ошибки, допущенные в ходе финской войны и не повторять их в будущем; так сделано было совсем не то, в чём нуждалась

армия. По той статистике, что была представлена властью, получалось довольно гладко, да и о ней-то слишком не распространялись. Если даже брать во внимание объявленные цифры, то получается: Финнов погибло 19 тысяч, наших около ста тысяч. И то не совсем неприятно – один к пяти. На самом деле данные о потерях запутаны и сильно разнятся в зависимости от источников. Вообще-то всё построено в отчётности потерь примерно так: погибших столько-то; раненых столько-то; умерших от ран столько-то; обмороженных и замёрзших столько-то; невосполнимых потерь столько-то. Если всё это, – сказали там на самом верху, – сложить, затем перемножить на то же число и тут же разделить всё пополам, потом прибавить всё остальное, затем отнять предыдущее: то получается и живы все, и потерь-то, считай, не было. Так, одна, может две сотни тысяч – это не потери для такой большой страны. Народу в России много, ещё наплодят. На этом и закрыли тему всяких подсчётов.

Языки всем укоротили, всё засекретили, после чего активно принялись искать козлов отпущения. И с новой силой пошли репрессии. По наушничеству и доносительству: где-то, там-то, ещё на финской войне кому-то не угодил или не то сказал, или просто не приглянулся. Под этот шабаш и Иван Васильевич попал – плохо среди красноармейцев агитационную работу проводил, потому и неудачи такие были. Вначале отправили в родные края на станцию Барятинск – на время, пока мы подумаем. Если бы спустя год не война, в лучшем случае поехал бы он куда-нибудь в район Магадана, а скорее всего в лагерь – «Пермь – 36» – этот лагерь как раз и предназначен был для тех, кто предан был партии с самого начала, а потом чем-то не угодил или случайно не то сказал.

В сорок первом, в возрасте сорока лет Ивана призвут в армию уже в качестве красноармейца, и будто в насмешку судьба его вновь отправит на Волховский Фронт поближе к

той самой финской границе. Правда, сделают послабление, служить будет при штабе 294 стрелковой дивизии; всё-таки свой, хотя и проштрафившийся. В начале февраля 1942 года тяжело раненного доставят в госпиталь развёрнутый в деревне Лодва, Мгинского района, Ленинградской области, а уже 11 февраля он скончался от полученных ран. Похоронен будет в братской могиле деревни Лодва. Так закончилась судьба Ивана, второго из братьев Судари-

ковых: первых активистов и комсомольцев деревни Вяжички, которые принимали самое активное участие в становлении Советской власти в тех местах.

Деревня Лодва сегодня представляет собой на большой территории сплошной мемориал из братских могил и памятников погибшим войнам: сколько там их в земле лежит?.. ответить на этот вопрос вряд ли кто может – одному Богу известно. Мы немного забежали вперёд в своём рассказе – поэтому чтобы рассказать о других персонажах романа вернёмся вновь в год тридцать девятый.

ГЛАВА 2

Благодатная провинция, к которой, несомненно, относились и деревня Вяжички, как и сами жители дальних и ближних районов громадной страны Советов к концу тридцать девятого года вряд ли подозревали о тех событиях, о которых мы вам рассказали. Газеты ввали, извращали, запутывали читателя, а чаще пугали. Год был на исходе: в колхозе обрарованном ещё десять лет назад в деревне Вяжички выдавали натуроплату на каждый отработанный трудодень. Жизнь медленно входила в свою колею: многим в то время, казалось, что пройдёт ещё десяток лет и все забудут о голоде и о той нищете, которая выпирала со всех дыр. Если бы мы

смогли хотя бы мысленно посмотреть на деревню дореволюционную, а после сравнить то, во что она превратилась, контраст явно не соответствовал бы понятиям: покосившиеся заборы с оборванными калитками и воротами, крыши деревенных домов с проплешинами; кругом запустение и, подумав можно, что бесхозяйственность. Но это вовсе не так. Тот, кто должен был следить за всем этим: прибывать, правлять, благоустраивать и новое подстраивать лежал в это время в земле, где-то дотлевали его останки на великом пространстве: Мазурских болот и в предгорьях Карпат, по всей южной Украине, Дону, Кубани и в Крыму. Перечислить все те места не представляется возможным по причине их множественности. Саму деревню Вяжички эта беда также не обошла стороной, потому как самых способных, самых здоровых и мастеровых, наконец, самых умных – все они лежали там, где-то в неведомых краях.

В доме Чигарёвых среди её обитателей: Екатерины Дмитриевны и двух её дочерей Леночки и Наташеньки установилось неприятное для всех молчание. Который день с небольшими перерывами мать возвращалась всё время к одной и той же теме: дальнейшей судьбы своих уже взрослых дочерей. Она настаивала на том, чтобы дочери уехали вслед за своими сёстрами и братом в Москву, но те, заняв неприступную позицию, стояли на своём. У Лены на то были свои причины, а младшая, может быть, по своей подростковой глупости следовала в рассуждениях за сестрой.

Хозяйка дома сейчас возилась у печи. Орудя рогачом, вынимала из жерла печи свежеиспеченные буханки хлеба: расставляла их рядком на деревянной длинной лавке, следом накрывая сверху полотенцами. Наконец, она управилась, прислонила рогач в стенке печки, уселась на краешек лавки, вытерев, краем платка пот со лба, посмотрела в сторону сидящей у окна Лены, сказала:

– Лена, доченька моя, вот ты постоянно злишься на меня, думаешь, что я тебе зла желаю. Сама посуди, разве может родная мать желать своему кровному ребёнку зла?.. Я тебя ещё год назад отправляла к сёстрам, а ты так и не поехала. Как ты не можешь понять, что он тебе вовсе не пара; и я могу тебе не задумываясь назвать несколько причин этому. И не подумай, как тебе по всей вероятности сказали, что я против этого лишь потому, что он происхождением своим не из тех, каким мне хотелось бы. Всё это чушь собачья, в особенности в настоящее время, когда мы стали давно уже как все вокруг нас обычными крестьянами, когда о всяком твоём дворянстве в прошлом лучше помалкивать. Причина совсем иная: во-первых он на год моложе тебя, и насколько я знаю по жизненному опыту и других подобных случаев – такие браки счастливыми не бывают. Муж должен быть хотя бы лет на десять старше жены, так всегда было, по крайней мере, в нашей среде. Я знаю много случаев, когда муж был и на больше лет старше и жили они, дай Бог каждому так жить, но в то же время я не знаю ни одного положительного примера подобного тому, который ты намерена совершить. Каждой матери хочется, чтобы её дитё счастливым было, так почему ты думаешь, что я враг тебе?.. Ну, вот – ты снова плакать начала...

Лена не отвечая на слова матери, смотрела всё это время в окно, скорее всего не видя там ничего, но после последних слов произнесённых матерью, убедившие её в том, что та продолжает стоять на своём, дала волю слезам, которыми заканчивались каждый раз подобные пререкания. Ещё с весны Лена стала встречаться с Павлом Судариковым: поначалу всё выглядело словно временная шутка, которая уже к осени переросла в более серьёзные обоюдные чувства. Сейчас она, вытерев слёзы тыльной стороной ладони, прекратила плакать, повернулась лицом к матери и сказала:

– Хватит об этом мама, не пишите вы меня ежедневно, я вас ни в чём не виню, но и с собой не могу ничего поделаться. Не настаиваю я больше на скорой свадьбе, ему всё равно весной в армию; вот вернётся, если дождусь его, тогда и видно будет. Может он после службы и не вернётся сюда в деревню, как другие парни, отслужив в армии в городах прижились. А то, о чём вы, мама, говорите, я вовсе с этим не согласна. Сейчас другие времена и заметьте – женятся на тех, которых сами выбирают, а не так как – у вас там было: на шестнадцатилетней девушке старики женились, после горшок всю жизнь за ним выноси и жди когда он, наконец-то помрёт.

– Лена! Ну, разве можно такое говорить, грех ведь!

– Нет!.. грех насильно замуж выдавать, а потом на людях говорить: – Ой! какая наша доченька счастливая, как ей повезло с Иваном Ивановичем, всего много и вдоволь. А то, что доченька каждый день – ночь напролёт в подушку плачет – это тоже счастье?! Вы меня, мама не переубедите, потому лучше нам не сориться зря.

– Хорошо, будь, по-твоему, об одном лишь прошу тебя, оставайся целомудренной, не шути с этим, ибо потом уже не справишь...

– Мама, я уже не школьница, чтобы говорить мне об этом, хотя, по правде сказать, не за горами, когда и в старых девах очутюсь. Если вы говорите, что раньше у вас там в шестнадцать замуж выдавали, то я, выходит, три года как просрочила, надо было ещё в школе об этом крепко подумать.

– Вот, эти шуточки твои – совсем не к месту. Отец твой – старше меня на десять лет, но я этого никогда не замечала, тем более не сожалела о том, что вышла за него замуж.

– Мама, да насколько я помню, отец-то и дома не живёт, всё где-то по службам шляется, а ты всё одна, да одна, хочешь, чтобы и у меня так было?

– Нехорошо старших перебивать, к тому же я мать твоя. А что насчёт отца, так он в этом не виноват, что времена смутные настали. Жили бы как прежде в Москве, этого бы не было.

– Он же не раз тебе предлагал в Москву снова вернуться, почему не согласилась?

– Потому, Лена, что я до сих пор не верю в душе, что это всё навсегда. Там может в любой день всё снова начаться; всё власть никак не поделают, а я этого боюсь. Хватит с меня тех страхов, что я пережила за две их революции, как они это называют. А по мне – это мало чем отличается от Пугачёвщины. Только тогда, всё то было далеко от Москвы. Прошло полтора столетия и до Москвы добралось. Жаль, что нет среди нас сейчас Параньи царство небесное этой добрейшей женщине, была бы она живая, даром, что из крестьян, а ума была благородного, она бы тебе то же самое сказала.

Екатерина Дмитриевна умолкнув, поднялась с лавки, и принялась наводить порядок возле печи. Лена повернулась снова лицом к окну и тут вдруг заулыбалась и с весёлой ноткой в голосе, выкрикнула:

– Мам, а, Мам, посмотри в окно – кто к нам прибыл! Мы ему тут все косточки промываем, а он лёгок на помине в гости надумал. Мам, да иди же погляди в окно, кто к нам пожаловал! Пропавший наш отец своей персоной приехал. Вон гляди – бежит к порогу спотыкается, даже на ходу прихорашивается, видно, мам, тебе понравиться хочет. Спешит как на свидание. А ты меня всё ругаешь, о себе бы лучше вспомнила.

Екатерина Дмитриевна подбежав к окну, наклонив голову в проём посмотрела во двор, но муж тем временем уже скрылся из поля обзора, а вскоре в сенях послышались его шаги. Войдя в комнату, снял шапку, стряхнул с неё на пол снег, улыбаясь приветливо сказал:

– Как хорошо после стольких дней разлуки с вами – снова явиться домой: здравствуйте мои милые добрые хозяйши! Не ждали?.. а я припёрся!

Наталья, подбежав к отцу, повисла у него на шее; Егор Владимирович погладил её по спине, потрепал за пышные волосы, отстранив от себя, принялся снимать с себя одежду. Раздеваясь и вешая одежду на вешалку, прибитую к стене, всё время поглядывал то на жену, то на Лену. Лицо Екатерины выглядело бледным, видимо ещё не придя в норму после разговора с дочерью, к тому же и само поведение – в её молчании, явном недовольстве во взгляде говорило мужу, что в доме не совсем всё в порядке. Присмотревшись внимательней к Лене, понял, что лицо у той заплаканное; немного помолчав, тая надежду, что жена всё сама объяснит, так и не дождавшись, теряя терпение спросил:

– Да что у вас здесь случилось, откуда вся эта хмурость на ваших лицах, а у Лены глаза все заплаканы? Поссорились никак? Катенька, чего молчишь? Вот никогда не думал, что так встретите меня. А ну рассказывайте отцу всё без утайки и как можно быстрее, а то я голодный как волк. Вот Наталья у нас самая говорливая ей и рассказывать – она это хорошо умеет, с её рассказов хоть повести пиши под диктовку.

– Ничего я не знаю, – ответила дочь недовольно, будто подводя под этим черту, – то всё меня не касается. Кого касается, тот пускай и рассказывает.

После этих слов она резко повернулась и с гордо поднятой головой прошагала демонстративно в соседнюю комнату.

– Так... понятно, – сказал с огорчением Егор Владимирович, – как я предполагаю, снова о делах сердечных спор идёт, и к единому мнению прийти так и не можем. И до чего же договорились, хотел бы я знать?

– Замуж выходить надумала твоя дочь и неизвестно за кого... – начала было рассказывать Екатерина Дмитриевна,

но муж, не дав договорить, уже и так понял, о чём она хочет сказать, примиряюще сказал:

– Почему ты так решила, что неизвестно? Вполне даже всем давно известно, как свет божий; парень он, лично по моим суждениям вполне порядочный и руки нашей дочери вполне достоин. Не граф, не князь, правда, но по сегодняшним временам это даже в пользу – жизнь спокойней будет. Отца его я прекрасно помню, каким тот был: вполне достоин тому моменту самой истории страны, ибо тогда всем хотелось лучшей жизни. Так в чём вопрос?

– Молод он слишком для нашей дочери; пусть хотя бы вначале в армии отслужит, – резким голосом ответила жена.

– Катя, разве ты не знаешь, что молодость – это не недостаток, а даже я бы сказал большая привилегия. Старость – вот это и впрямь большой порок у человека. Старость хочешь, не хочешь – наживаешь, а молодость с каждым прожитым днём теряешь. Глупенькие вы всё-таки женщины. Из-за пустяка скандалы устраиваете: ссоритесь, плачете, сами себе жизнь укорачиваете. Так – погоревали, и хватит. Всё забыли! Я носом чувствую, что у вас тут такой дух печёного хлеба стоит; ещё, когда шёл по улице – ко двору подходил, услышал; чуть было своей слюной не подавился. Готовьте на стол. По-человечески я ел последний раз... – я уже и забыл, наверное, когда домой приезжал.

Спустя время, семья сидела за столом. Мать и дочери внимательно слушали Егора Владимировича, который в это время ел с аппетитом и рассказывал новости из Смоленска, ибо начиная с этого года, Брятинский район зачем-то отторгли от Калуги и присоединили к Смоленской области, а в сорок четвёртом вернут всё на своё место. Егор Владимирович прибыл сейчас из Смоленска.

– Представь, Катя, неделю назад прошмыгнул это я мимо вас, лишь в окошко поезда поглядел на деревню – ночью кста-

ти. Темень – ни зги ничего не видно – думаю – где они там в этом мраке? А вы, наверное, спите сладко и ни слухом, ни духом не ведаете, что вашего отца мимо нелёгкая понесла среди ночи. Теперь вот обратно в Калугу. Пару дней дома побуду, и снова мотайся, как маятник. Одно дело указом передать управление части местности в другой город и совсем другое, как потом работать. Бегай за каждой бумажкой туда-сюда.

– Егор, – прервала его жена, – что слышно о той финской компании, как её в газетах называют – это не начало большой войны? В деревне всякое говорят: финны, немцы – из газет так совсем ничего не понять.

– Катя, мой тебе совет – в подобных разговорах лучше не участвовать. А то кто-то, что-то сам скажет, а тебя в этих словах и обвинит. У меня ничего не выпытывай, всё равно ничего не скажу, потому что и сам ничего не знаю. Знаю я вас женщин – язык за зубами вам трудно удаётся держать. Есть раненые, а как бы ты хотела? Там, где стреляют – всегда есть убитые и раненые. На охоту идут – на зайца, к примеру, казалось совсем мирное мероприятие, а с охоты раненого товарища на себе притаскивают, а бывает и на тот свет случайно отправят. Так то же всего-навсего охота, а тут военный конфликт.

– Вот потому я и против этого союза, – сказала жена, – ещё неизвестно, сколько это протянется, а ему вот весной в армию. Боюсь я, чтобы не получилось как у его матери Арины. Сколько она с Тимофеем прожила? – по пальцам дни пересчитать можно...

– Ты снова за своё! Лена, почему молчишь? Скажи хотя бы слово, выскажи свой взгляд – на то, о чём мать говорит. Должен же я знать мнения обеих сторон.

– Я сказала маме, что никакого замужества сейчас не будет, а она всё никак не успокоится. Отслужит в армии, там видно будет. Три года не три месяца. За это время всё может поменяться, да так, что вопрос сам по себе отпадёт.

– Ну, вот и прекрасно будем считать вопрос решённым, – сказал удовлетворительно отец, – Павел, не знаю как вам, а мне он по душе. Смотрю на него иной раз и Тимофея вспоминаю, будто его самого вижу.

Вечером, когда за окном на деревню спустились сумерки, Лена принялась одеваться и прихорашиваться перед зеркалом, мать, поглядев в её сторону, сказала недовольно:

– Тебе хоть кол на голове теши: целый день толкли воду в ступе; говорили, говорили – чуть темнеть стало – уже бежишь к нему.

– Я что в монахини пострижена, что за порог не могу выйти?! Или мне возле вас сидеть и смотреть на вас, как полоумной?! – С этими словами Лена уже одетая хлопнула дверью и удалилась.

То упорство и настырность в отстаивании своей любви к Павлу, вероятно на тот период посетило её сущность, унаследовав от тех далёких предков по материнской линии, ибо в будущем эта черта в её характере вначале притупится, а потом совсем исчезнет. Этому всему есть объяснение в смене характера: те испытания невзгодами, которые выпадут на её долю, в дополнение к этому другая личность в лице Павла, которая будет довлеть над ней, в будущем сделают её кроткой и покладистой. Притом, если ты любишь его всем сердцем и душой, а попутно обременена малолетней детворой: от всего этого женщина начинает подчиняться мужу во всём, начиная с самых незначительных мелочей, даже если они несправедливы по отношению к ней. В отличие от дочери, Екатерина Дмитриевна глубоко в душе на то время испытывала иные чувства, которые не решалась говорить Лене. Кроме заявленного аргумента – несоответствия в возрасте, она женским материнским чутьём словно предугадывала ту тяжкую долю, которая ожидает её дочь. Не раз, думая о судьбе Тимофея и как бы на его примере опасаясь, что сын может повто-

рять его судьбу, в душе у неё постоянно возникал протест иной раз вопреки здравому рассуждению. По своему складу характера Екатерина Дмитриевна больше была склонна к практичности, реальности, расчёту, всему тому, что унаследовала от Гончаровых. А вот дочь Лена пошла, видимо больше в отца. Материнская целеустремлённость и упорство уступит место стойкому терпению, самопожертвованию, покладистости ради других, кто бы им не был. Подарить, отдать последнюю, сделать всё за других, если это даже тебе не под силу. Эта, казалось бы, вполне положительная черта характера у неё передастся по наследству её детям, правда не всем. Черта хорошая – для окружающих, но не для самого держателя столь благородного отношения к другим, ибо это делает его несчастным, он чувствует и знает это, но поступить по-другому не в состоянии. Мы не станем забегать далеко вперёд, потому как за окном дома Чигарёвых стояли ещё последние дни тридцать девятого года. До большой войны оставалось чуть меньше чем полтора года.

Кто знает, не показав на деле и не проявив свою способность в финской войне, уроки которой были расценены, как слабость в ведении современной войны, нацистская Германия убедившись в том опыте, обрела уверенность в быстрой своей победе. Не будь этого, то может быть Гитлер и не решился бы напасть на нашу страну в том роковом сорок первом. Финнов надо было бить быстро, сильно и умело – да некому было, репрессии основательно подчистили командный состав в Армии. Весной, в мае сорокового года Павла призвали в ряды Красной армии. Лена, повиснув на шее у своего супруга: рыдала, голосила, словно предчувствуя недоброе будущее – как по покойнику. Павел с трудом оторвал её руки от себя, потому как команда давно была, – стать в строй. С жалостью посмотрел уже со стороны, стоя в строю на Лену и у него у самого навернулись на глаза слёзы. Провожали ново-

бранцев в Бярятинске прямо на вокзале. Призывники погрузились в теплушки, плотно сбившись у распахнутых настежь широких дверей, продолжали прощаться с родными и друзьями. Паровоз в голове состава всё трезвонил свистками, перриодами издавая протяжные гудки, пытаясь отогнать провожающих от вагонов, которые будто мухи липли к дверям теплушек, наконец, тихим ходом, как несут обычно покойника на кладбище, состав вначале уполз за пределы станции, а вскоре скрылся вдали за стеной темнеющего леса. Непривычная форма никогда ранее не наблюдавшаяся при отправлении составов с новобранцами, будто предсказывала их дальнейшую судьбу. Спустя пять лет, уже после окончания войны жители деревни испытывая в душе невозместимую горькую утрату, часто станут вспоминать тот злополучный состав поезда, который увёз их сыновей навсегда. Из всех новобранцев, которых, вот всего минуту назад увёз поезд на благородный ратный труд по защите Отечества, через год почти все уйдут в вечность. Призыв двадцать первого года рождения первым примет на себя всю мощь немецкого Вермахта в живых из этого призыва останутся единицы.

По истечению небольшого промежутка времени в семье Судариковых заметно стали испытывать, что кого-то в доме не хватает – словно осиротели. Иван Васильевич домой приезжал редко, пропадая в Бярятинске по делам, теперь уже мелкого служащего. Так или иначе, Павел на тот момент в семье был опорой, а с его уходом в армию Арина Осиповна осталась с четырьмя детьми одна. Шестнадцатилетний Анисим уже второй год работал в колхозе, а десятилетний Коля и восьмилетняя Мария прибегая со школы, помогали управляться по хозяйству, часто споря между собой – кому что делать, потому что Марии больше нравилось пасти гусей по берегу речки, а Коля туда стремился, чтобы поудить рыбу. Самого маленького Васю мать таскала на руках по двору, а тот заходился криком.

В семье Чигарёвых первые дни после проводов в армию новобранцев все члены семьи ходили, каждый думая о своём. Стороннему наблюдателю могло показаться, что в семье случилось совсем недавно какое-то горе и как минимум кого-то схоронили. Лена ходила как неприкаянная: грустная, молчаливая, задумчивая. Усевшись у окна на своё любимое место, положив голову на кулачок свой, могла долгое время созерцать, глядя во двор, где гоготали

гуси, а Екатерина Дмитриевна тем временем поглядывала на дочь, в душе жалела её, но затрагивать опасалась, ибо знала, скажи хоть слово и всё закончится обильными слезами. По своему жизненному опыту она знала, что рано или поздно всё придёт в норму и сейчас требуется лишь терпение. Каждое утро Лена направлялась на работу в колхоз: с того памятного дня маршрут ходьбы она поменяла, ходила теперь делая петлю и лишнюю сотню метров мимо двора Судариковых, словно надеясь в один прекрасный день увидеть в том дворе своего возлюбленного Павлика. Поравнявшись с двором, голову старалась не поворачивать – боясь, как бы кто не увидел, но при этом косила глазами на сам двор. Прошла, минула двор

– и на душе, казалось ей, становилось легче; будто и впрямь, на мгновение с ним повстречалась. Теперь двор, где ранее жил её Павлик, представлялся ей как местом святым для паломничества. В иной день, отчаявшись в своих самой себе навязанных мистических мыслях, начинала злиться на себя и давала зарок, что больше по той улице ходить не станет. Проходил день, и ноги сами туда устремлялись. Однажды в один из таких вояжей, Арина Осиповна, разглядев Лену ещё издали, идущей по улице сама подошла к калитке, и когда та поравнялась с ней и поздоровалась, она подозвала её к себе.

– Леночка, – обратилась к ней ласково Арина Осиповна, – я часто вижу, что ты стала ходить мимо нашего двора, но ни разу почему-то не зашла к нам. Стесняешься?.. Так мы люди простые, не гордые, не стоит нас стесняться. Вижу, милая, и знаю, почему мимо ходишь – чувствую нелегко тебе, мне тоже не легче. Одного выпроводила, не успеешь оглянуться как второй на подходе.

– Тётя Арина, да не стесняюсь я вовсе, некогда просто. Вот и сейчас спешу в колхоз на работу, даже с вами не могу долго поговорить. Вы же читали в газетах, что за опоздания и прогулы теперь в тюрьму сажать станут. У нас в колхозе к счастью пока до этого не дошло, но чем чёрт не шутит. А то получится – жених мой в армии, а невесту его в лагерь на исправление отправят.

– Ждать Павлика будешь? – спросила Арина Осиповна уже совсем другим голосом, при этом пристально вглядываясь в лицо Лены.

– Тётя Арина, конечно, буду и уже жду с первой минуты, как только простилась с ним – жду. Я терпеливая, упорная: раз сказала, значит, дождусь – хоть даже буду знать, что переду-мает сюда возвращаться.

– Да куда же ему возвращаться, как не домой?

– Мало ли что, много деревенских, которые после службы уезжают в города и даже нос свой сюда не показывают.

– Ну, тогда если ты только не против, я стану называть тебя дочерью.

– Я не против, как считаете нужным, так и называйте.

Побежала я...

– Заходи хотя бы на минутку...

– Зайду... обязательно зайду... – прокричала она, оглядываясь и ускоряя шаг.

На дворе стоял июнь – последний мирный июнь в ближайшие четыре года. До большой и страшной войны оставался ровно год.

* * *

Павлу Сударикову пришлось пройти два раза через пункты формирования команд для отправки в воинские части. Вначале был он зачислен согласно гражданской специальности тракториста в танковые войска, но, по какой-то неизвестной причине четверых новобранцев, среди которых оказался и Павел выдернули из строя и отправили в другую команду. На следующий день погрузились в теплушки, в которых в то время перевозили личный состав воинских частей, а новобранцев перевозить – сам Бог велел, и отправили по назначению в воинскую часть, где предстояло в дальнейшем нести воинскую службу: «Куда везут?..» –

спрашивали друг у друга. Об этом никто не знал, ибо это являлось почему-то большой военной тайной для всех. Это мероприятие по от- правке новобранцев во все времена – в стране строящегося коммунизма – всегда было похоже на то, когда хозяин заво- зит из дому шкодливого кота – подальше и дорогу тщательно путает, чтобы кот домой не вернулся. Эта чрезмерная сверх- секретность и «тайна» в сорок первом году обернётся для Красной армии большой бедой. Командиры подразделений: рот, батальонов, а иногда и полков не имея на руках подробных географических карт своей местности, часто будут плутать, тем самым подставляя свои подразделения под удар, а в других случаях попадая в окружение. Немцы, в от- личие от нашей сверхсекретности на руках будут иметь гео- графические карты, на которых будет указан даже отдельно стоящий где-то сарай. В первые месяцы войны для наших командиров самым дефицитным товаром, исключая бое- припасы были немецкие трофейные географические карты своей родной страны. По прикидкам тех, кто неплохо когда- то учился в школе, а среди ново- бранцев нашлись и такие ре- бята – определили, что везут всё-таки на юго-запад к поль-

ской границе: «Значит, – сказал кто-то, – скоро будем учиться сразу двум языкам: на- украинской – мови и на-польской – панове; пшекать потихонечку начнём...» – подшучивали над собой новобранцы. О том, что вскоре придётся учить и тре- тий – немецкий язык пока что в голову никому не приходило. Ребята, конечно не могли знать на тот момент, что там, куда их везут, не помешало бы знать и ещё пару языков – молдав- ский и румынский. От поляков полу- чилось хоть и недалеко, но немного в сторону, а если по правде, то ждали их земли древней Галиции, как и сами галичане. Может и не все ко- нечно, но румыны, глазевшие в нашу сторону через границу часто облизываясь, с нетерпением ждали, когда же наступит тот день, когда Гали- ция вновь войдёт в их состав. Служить им предстояло в 12-й армии КОВО (Киевского особого воен- ного округа) район прикрытия №-4 протяжённостью в 500 километров, если мысленно обозреть тот участок, то можно считать линию прикрытия границы от села Лютовиска Львов- ской области вплоть до города Липканы. Вот в тех заповед- ных горных краях покрытых хвой- ным лесом Карпат и пред- стояло нести службу прикрытия государственной границы. С тылу горы Карпатские – впереди граница с Румынией. Гра- ницу, с ранее существовавшей, с выстро- енными укрепле- ниями ещё царской властью передвинули на запад всего год назад. Двена- дцатая армия располагалась на участке, на тех самых пятисот километров протяжённости, где сходятся гра- ницы Украины, Молдавии и Румынии. Все четверо, одним из которых был Павел, за это время успели хорошо сдружиться, что и обрадовало их всех, когда в строю зачитали, что они определены по воинской специальности как трактористы в 473-й гаубичный артиллерий- ский полк, 17-го стрелкового корпуса, под командованием генерал-майора Галанина.

«Тракторист, так тракторист... к тому же гаубицу прицепят, – сказали ребята, – дело привычное: что телегу или плуг в кол-

хозе за трактором таскать, что гаубицу, которая за всю служ- бу, может ни разу и не стрелнуть...» – на том и успокоились. Гаубичный полк дислоцировался в районе города Каменец- Подольский; до города было хотя и недалеко, но в увольне- ниях бывать там приходи- лось за редким случаем. Всем чет- верым хотелось в одном подразделении служить – не полу- чилось. Разбросали по разным дивизионам, но всё равно ра- довались, что хотя бы в одном полку служить остались. Впервые увидев то, что им предстоит, как они сказали: «За трактором таскать...» – вначале оробели – орудие уж слиш- ком грозным им показалось: «Такая махина, весом под два- дцать тонн, если бабахнет, – сказал Колька Ситников при- званный из Бярянтин- ска и второй номер с Павлом на тракто- ре, – то, пожалуй, и от трактора одни гайки останутся и те разлетятся в разные стороны». Но самое большое их удивле- ние было впереди. В стороне от позиций буквально в два- дцати метрах – в земле, на блиндаж какой-то больше похоже

– под маскировочными сетками возле каждого расчёта рас- положен был склад боепри- пасов. На одном из занятий оче- редь и до него дошла. Молодой командир батареи, выстро- ив боевые расчёты в шеренгу, долго читал им инструкции. Красноармейцы стояли по стойке –

вольно и слушали в пол уха, больше думая о своём, но когда командир заставил от-крыть один из ящиков со снарядами, и то, что предстало их глазам – наглядно ввело всех новобранцев в замешательство. Все дружно, выпустив воздух из лёгких, выдохнули:

«Вот это да!.. Такое... – если шарахнет... то и костей не соберёшь! И как же такую чушку, толщиной в ведро – этот снаряд туда в ствол запихивать? – спросил один из них, а рядом стоящий с ним товарищ ответил, – вот тебя первым это и заставят делать, тогда и поймёшь, что и куда запихивают».

Пугаться было чего – ибо лежащий в ящике снаряд к гаубице 203-мм, образца 1931 (Б-4) и весом в сто килограммов,

представлял большую опасность, как после выстрела – там, где он упадёт. Так же когда снаряд находился в ящике в случае небрежного отношения к нему. С этого момента все новобранцы наострили уши и стали внимательно слушать командира орудия, стараясь запомнить всё, о чём тот рассказывает. Командир умышленно не показывал им снаряд в самом начале занятий, теперь рассказывая, и глядя на лица красноармейцев молодого пополнения видел тот страх в их глазах, поседевший у каждого в душе, это его веселило, отчего улыбка произвольно не сходила с его лица. Так начались ежедневные, исключая воскресенье занятия по боевой подготовке боевых расчётов. С утра тащили орудие на близлежащий полигон: там его зарывали, маскировали, разворачивали, заряжали болванкой по весу снаряда, производили выстрел, короткий шелчком заканчивался, а далее по команде всякие манипуляции с ним: из казённого ещё вытащить же надо и ту болванку. Потом вдруг меняли позицию, что являлось худшим из всего того, что было до этого, порой казалось – ну всё на этом! не тут-то было – опять всё сначала и так каждый день. К вечеру в казарму красноармейцы вползали чуть ли не на четвереньках. Как-то жалуюсь своему другу и напарнику по трактору Кольке Ситникову, Павел сказал: «Мне эта пушка, мать её так

– снится каждую ночь. К тому же – во сне у меня этот трактор всё время то глохнет, то не заводится, так и мучаюсь всю ночь

– до самого утра завожу двигатель пускатом, а верёвка, как назло на шкив не наматывается...». На что остроумный Колька ответил другу: «Значит, ты Павел ещё не сильно устаёшь, раз тебе ещё и сны снятся; мне ничего не снится – только голова до подушки, я уже, считай мёртвый».

Воскресенье для красноармейцев являлось манной небесной ниспосланной самим Богом: водили строем в клуб, где показывали кино, которое вряд ли кто и смотрел – все полтора, а если дополнительный к фильму киножурнал «Новости дня»

длинный, то получалось, все два часа на каждый глаз можно было сладко поспать. По вечерам – в воскресенье давали пару часов на то, чтобы письма домой смогли написать; этот промежуток для большинства также являлся поводом для сна – письма потом как-нибудь, там, дома и без них обойдутся. Вот если бы после ужина ещё не гнали в художественную самодеятельность в солдатский клуб, где в общем хоре надо было петь патриотические песни, от которых во рту сохло и глаза слипались, то воскресенье можно бы было считать днём святым. Четверг тоже являлся днём, который в святцы вписать надо бы было – день политзанятий. Младший политрук читал и рассказывал что-то о партиях эсеров и большевиков, зачем-то приплетая всяких к ним буржуев и капиталистов и ему – политруку, даже в голову не могло прийти, что оказывается все красноармейцы, спят с открытыми глазами – этому умению требовалось ещё научиться, а вот у них – это легко получалось. В распорядке дня присутствовала ещё одна напасть, от которой избавиться был лишь один способ – костыли под мышками занять. Напастью этой являлась строевая подготовка: зарывал ты до обеда пушку, которую красноармейцы меж собой «Мортирой» называли, или раскапывал её, что бы ты с ней ни делал, это никого не волновало, а два часа – будь добр отмаршируй на плацу. В иные дни, особенно напряжённые по боевой подготовке строевые занятия напоминали шарканье старческих

ног. И ни- какая команда: «Выше ногу!» – ровным счётом положения не меняла. Никто из них не мог в то время знать, что пройдёт пол- года и те, кто останутся в живых будут с ностальгией и сожалением вспоминать то счастливое время, казавшееся им тогда тяжким бременем.

Павел, сном игнорируя, письма писать не забывал: домой родным изредка – Лене в любую свободную минуту. Про- странно – что в голову взбрёт, писать воспрещалось, потому писал всё время о том, как тоскует и соскучился он по ней.

Иной раз, написав пол странички, где изложил, казалось всю тоску по любимой, надолго задумывался – о чём ещё напи- сать?.. о самой службе можно было лишь два слова: «Служу хорошо, даже благодарности от командования имею». Врать о благодарностях желания не было, потому, тяжело вздохнув, будто прощаясь с любимой, складывал аккуратно листок в треугольник, подписывал и отправлялся к тумбочке дневаль- ного, чтобы бросить треуголь- ник письма в почтовый ящик.

В первых числах декабря, когда уже выпал первый снег, а в горах местами и навалило немало за целых два часа до об- щего подъёма, что расценивалось среди красноармейцев как пытка палача, по гарнизону провыла боевая тревога. Такой тревоги с июня, когда присоеди- няли к своим землям Бессара- бию и Северную Буковину, пожалуй, не было с тех времён. По тревоге подразделения поднимали часто, но то была совсем иная тревога, когда её пода- вали непосредственно в казарме, на этот раз – боевая – с сиреной; тут поневоле заволнуешься. Спросонья, трясущимися от волнения руками, до конца не приведя в надлежащий форменный вид себя, бежали туда куда учили, и вскоре, вложившись в норму, ибо на проходе стоял сам командир дивизиона, держа на ладони и глядя на циферблат наручных часов, все уже стояли в строю. Командир дивизиона, выйдя на середину строя, лично зачитал приказ:

«Слушай приказ! 473-му гаубичному артиллерийскому полку поставлена задача: выдвиг- нуться, совершив марш-бросок в назначенный пункт, занять позиции и произвести боевые стрельбы по намеченным квадратам. Время пошло с минуты объявленной тревоги. Присту- пить к выполнению!».

Марш-бросок в сто двадцать километров предстоял не- лёгкий: гористая местность Карпат, отсутствие дорог, местами снежные завалы. В назначенный пункт необходимо было прибыть в срок, развернуть к готовности и к стрельбе полк, затем произвести сами боевые стрельбы по указанным квад-

ратам, на месте которых были сооружены блиндажи и сараи из брёвен, из горных валунов и тех же брёвен подобие дотов.

Впереди колонны двигалась полковая разведка на лёгком гусеничном тягаче, выверяя, определяя и выставляя вехи для ориентира. Маршрут порой проходил по грунтовой дороге, по которой гуцулы на телегах ездили и обычно в телеги были впряжены быки, но зачастую и такие дороги отсутствовали, в таких местах, где их не имелось – шли по заросшему хвоей молодняку, петляя и пробивая новую колею дороги. Когда наступил рассвет, полк находился уже далеко от места дис- локации. Так вышло, что первый дивизион – он и есть пер- вый, в котором и служил Павел, а раз так, то он и шёл в голо- ве колонны. Трактор, которым управлял Павел, тащивший сей- час гаубицу, наматывал на гусеницы трактора траву и моло- дые побеги деревьев шёл головным и прокладывал путь все- му полку. Зорко глядя в даль в сумер- ках утра, отчего глаза стали слезиться, Павел, ориентируясь выставленными вехами, в иные разы на своё усмотрение отклонялся от вы- ставленных вех: влево, вправо, иногда делая боль- шой изгиб, ибо мгновенно определял, что там, где стоят вехи место опас- ное: косогор, крутой подъём, громадные сосны густо стоят. Отклонившись от маршрута, далее уже на одной лишь интуи- ции возвращался на отмеченную полосу. Если даже не лука- вить и не перевозносить его заслуг, то всё равно получается, что на тот момент на нём лежала вся ответственность и само выполнение задачи прибыть в пункт назначения в срок. Вско- ре из-за гор появилось солнце. Враждебность и хмурость гор- ных скал чернеющих на фоне белого снега вселяли в душу

человека равнин какое-то беспокойство и тревогу, отчего каждый раз подавляя в себе это чувство, мысленно настраивал себя на завершение начатого дела – дойти, дотянуть до места назначения в целостности и сохранности орудия. Местами маршрут проходил по участкам, где дорога выравнивалась и шла

по прямой грунтовой дороге без всяких препятствий. Появлялась возможность отдохнуть, не требовалось напряжения всего существа твоего, Павел в такие моменты с восторгом рассматривал в открытые окна кабины трактора окружающий ландшафт. Глядя на рядом сидящего с ним Кольку весело говорил тому: «Дрыхнешь, суслик?.. Продери свои глаза и в окно посмотри – красота-то, какая кругом!» – От нагретого двигателя трактора в кабине было слишком жарко, потому и запахнул все окна настежь. Гимнастёрка давно промокла от потоа, обильно стекающего по лицу, попадающего в глаза, отчего приходилось часто вытирать лицо шапкой.

Прибыли на место назначения: чётко выполняя команды командиров стали разворачивать дивизионы к боевой готовности; установили орудия, выверили и выставили прицелы по командам, вскрыли ящики со снарядами, зарядили. Выполнив всё чётко и слажено, при этом волновались так, как будто перед первым в жизни свиданием с любимой девушкой. Не впустую же учили целых полгода. Окружающую тишину стройных сосен в горах первозданности самой природы с треском раската летней грозы и удара молнии разбудили, сотрясли залпом полковых гаубиц. Громящее в горах эхо прокатилось по скалам, возвращаясь вновь и вновь на позиции. Отстрелялись, выпустив всего по три снаряда: с привычки, хоть и учили рот на всю пасть открывать, многие от волнения забыли, потому на время и оглохли. Спустя время понемногу стали приходить в себя: послышался смех, до этого полностью отсутствовавший, а кто-то громко сказал:

– Пальнули в белый свет – как в копейку! Куда пальнули, хрен его знает! Хотя бы одним глазком посмотреть – попали или нет? Он может там и не разорвался вовсе, а может в деревню к гуцулам угодил, по крыше гуцульской хаты шаранул. Восемнадцать километров... это далеко-о-о, отсюда даже взрыва не слышно...

– Отставить разговоры! – прокричал командир орудия, но уже через паузу миролюбивым голосом добавил: «Вот прибудем домой в часть, там и узнаем – попали или промазали. А сейчас, получить у старшины Второго сухой паёк, подкрепить себя чем Бог послал, и сворачиваемся; на обратную дорогу время также отпущено – надо, братцы, уложиться...». «Прим. Авт.

– Михаил Иванович Второй служил в Красной армии уже по второму кругу, если считать с первым сроком службы, то получалось пятый год. Персонаж в романе не вымышленный, фамилия и имя соответствуют персонажу. Нам известна его судьба, лишь до периода первых полтора месяца войны, дальнейший его боевой путь нам, к сожалению, неизвестен. Ещё мы знаем, что он прожил долгую жизнь: два года всего не дожив до девяноста лет, и умер в 2002 году. Но, к великому нашему сожалению, нам так и не удалось разыскать его родственников, мы даже не знаем где он жил все эти годы, как и не знаем, где похоронен». Над ним в полку часто подшучивали: «Михаил Иванович, неудачную фамилию ты себе выбрал, так и будешь – всю жизнь по два раза всё повторять: вот сейчас служишь второй раз, а там ещё впереди жёны предстоят, работы всякие, куда ходить надо будет каждый раз да по два раза». На шутки сослуживцев он не обижался: по натуре, человек он был добрый, это даже по его старой фотографии в чём-то просматривается, которая сейчас лежит у меня на столе передо мной. И как мне кажется, на фотографии он чем-то похож на нашего героя романа Павла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.